

БЕСТИАРИУМ

ДИЗЕЛЬНЫЕ МИФЫ

Алекс Березин, Егор Сорокин, Егор Сорокин, Виталий Перевалов, Олег Гаврилович, Игнатий Назаров

**Олег Кожин
Мария Чурсина
Валерия Калужская
Тимур Алиев
Ольга Казакова
Владимир Компаниец
Дмитрий Дзыговбродский
Анна Дербенева
Денис Поздняков
Сергей Крикун
Дмитрий Висков
Сергей Леппе
Карина Шаинян
Сергей Игнатъев
Владимир Березин
Юрий Николаевич Бурносов
Татьяна Бурносова
Татьяна Томах
Иван Колесник
Сергей Владимирович Чекмаев
Бестиариум. Дизельные мифы (сборник)**

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6028879

Аннотация

И все-таки Он проснулся.

Зверь Миров, Повелитель Р'льеха, непостижимый и непостигаемый Ктулху пришел на Землю. Но пришел не один, а вместе со всем пантеоном Внешних, Древних и Старших, вместе с Дагоном, Ньярлатотепом, Йог-Сототом... Бесконечно далекие от человеческого понимания, чуждые повседневных проблем и забот людей они явились править нашей планетой.

История мира необратимо изменилась, 1939 год – роковой и для нашей Реальности, стал точкой перелома. Эпоха гордых одиночек, покорителей заоблачных высот и гоночных трасс, сумасшедших ученых и великих диктаторов приняла на себя ужас Пришествия Мифов. Приняла, впитала... и смогла ассимилировать.

Новая Земля совсем не похожа на нашу, здесь Глубоководные заняты шельфовым бурением, мверзи помогают в приютах для душевнобольных, а шоготы работают механиками. Люди приспособились к новому порядку, живут в нем и даже наслаждаются жизнью, сами став частью новых, Дизельных Мифов.

Содержание

Предисловие	4
Дмитрий Висков	6
Юрий и Татьяна Бурносовы	13
Владимир Березин	22
Олег Кожин	31
Сергей Игнатьев	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Чекмаев

Бестиариум. Дизельные мифы. Антология

Предисловие ДИЗЕЛЬНЫЕ МИФЫ

Вселенная насчитывает множество миров. И если количество их в бескрайнем Универсуме не бесконечно, то лишь потому, что ограничено количество носителей: ведь мы говорим не о газовых гигантах, ледяных глыбах или выжженных каменных планетоидах.

Мы говорим о людях.

Каждый человек – уникален, и в его сознании находится собственная вселенная, сконструированная из тщательно отобранных фантазий, идей, мыслей и представлений об окружающей реальности и о самом себе.

Но иногда мирам становится тесно в одном человеке, они выплескиваются наружу (особенно у творческих личностей), сливаются с макрокосмосами других людей и формируют нечто самостоятельное, нечто, способное жить и развиваться.

И мы готовы познакомить вас с одним из таких миров. Разрешите представить: DiezelPunk – вымышленный кросс-медийный сеттинг, совмещающий в себе элементы дизельпанка и мифологии, созданной Говардом Лавкрафтом.

Много хитрых слов и непонятного сленга? Сейчас мы быстро разложим всё по полочкам.

Во-первых: что такое сеттинг? Окружение, среда, в которой происходит действие книги, фильма, настольной или компьютерной игры, комикса и даже картины или анекдота. В абсолюте, сеттинг – это набор законов, аспектов и условностей, описывающих определенный мир.

Кросс-медийность же – это отражение конкретного произведения в различных медийных форматах. Явление не новое, но бурное развитие оно получило в последние несколько десятилетий. Так, «Гамлет» шагнул со страниц рукописи на сцену театра, а со временем добрался до кино, мультипликации и даже до компьютерных игр. Популярные современные франшизы – Звездные войны, Warhammer, супергеройская вселенная Marvel – воплощены в таком количестве отражений, что не хватит пальцев пересчитать.

Идем дальше, дизельпанк (dieSelPunk) – это не просто узкий жанр, но и целая субкультура, основанная на эстетике, антураже, технологических решениях и других особенностях 30–60-х годов XX века. Ну а Говарду Филлипсу Лавкрафту, мы надеемся, вас представлять не нужно. Тем более что, хоть сам он уже в условной досягаемости, его миры находятся от нас не далее чем на расстоянии пары обычных кликов и всё менее банального умения читать.

Разница между названием сеттинга и жанром всего лишь в одну букву, заметили? Но что скрывается за маленькой вроде бы опечаткой в коротком слове?

DieZelPunk – это наша, некогда всем привычная Земля, на которую в 1939 году явились/вернулись ужасные (и не очень) древние Боги и их окружение – так называемые Мифы. Некоторые государства пытались сопротивляться, но потерпели поражение и были аннексированы. Другие страны заключили с Мифами союз, добровольно изменив под их влиянием собственную культуру и мировоззрение.

Земля оказалась поделена на политические единицы (во многом сохранившие границы прежних государств), каждая из которых поддерживается/контролируется одним или

несколькими «мифическими» созданиями или их культом, если по каким-то причинам Древнее существо не может воплотиться самолично.

Мифологические создания постоянно грызутся между собой, часто используя в конфликтах информационные, политические, экономические и силовые ресурсы контролируемых ими социумов, культур и объединений. Мелкие столкновения, как часть большой войны, разгораются постоянно, но глобальный конфликт едва тлеет.

В результате пришествия Мифов технологическое развитие планеты резко поменяло свое направление. Атомная энергетика, транзисторы, генетическое конструирование, космические прорывы – эти и другие открытия, совершенные в нашей реальности после Второй мировой войны, не произошли. С другой стороны, Мифы принесли с собой необычные технологии, например, мистические и гравитационные.

Ктулху, Дагон, Йог-Сотот и Шаб-Ниггурат с нами. Ацтеки вернулись, а с ними и Кетцалькоатль. Повстанцы. Безумные ученые. Сектанты. Инопланетяне видов йит и ми-го. Часть моря контролируется глубоководными. Странные помеси людей и новоприбывших.

Всё это и многое другое и есть **DiezelPunk!**

Подробности можно прочесть на <http://diezelpunk.ru>, а мы вернемся к кросс-медийности.

Уже начата разработка компьютерной игры с рабочим названием Defence Initiative, действие которой происходит в 50-х годах вселенной DiezelPunk – во время второй волны пришествия мифических существ на Землю. Проект совмещает в себе глобальную стратегию и пошаговые тактические бои, являясь духовным наследником классических шедевров X-COM и Jagged Alliance.

Ну а книга, которую вы сейчас держите в руках, – одно из первых воплощений такого мира. Воплощение, пропущенное через фантазию и талант прекрасных авторов, которые вместе с создателями DiezelPunk рискнули ни мало ни много сформировать новую вселенную. А чтобы читателю проще было ориентироваться в причудливой россыпи текстов, мы придумали «реостат жанров», который можно увидеть в содержании. Ползунок указывает предпочтение той или иной стилистике в каждом из рассказов – от практически «чистого» дизельпанка через нуар в дистиллированные Мифы. Выбирайте!

Мы знаем, что делаем. Спасибо. Простите.

*Денис Поздняков, руководитель проекта «DiezelPunk»,
Сергей Чекмаев, редактор-составитель*

Дмитрий Висков КРИЧАТЬ, УБИВАТЬ И ВЕСЕЛИТЬСЯ

Командир Эзельской бронебашенной батареи Силин докуривал последнюю сигарету, морщась при каждом новом залпе. В шкафу лежала еще дюжина пачек «Триумфа», но встать Силин не мог с прошлого вечера. На черном сукне его кителя кое-где проступила соль от высохшего пота.

Жутко раздражало радио. Отыграв бравурный марш, оно завело речь о сложной международной обстановке. А когда эта обстановка была простой? Больше маршей, больше! Под флейты и медь легче переносить дребезжание стаканов на полках.

Ожил коммутатор.

– Попадание подтверждаю, – доложили с дирижабля.

– Хорошо, – Силин переключился на связь с башнями, – теперь квадрат семнадцать-пятьдесят.

Снова на дирижабль:

– Контроль семнадцать-пятьдесят.

– Там эсминец «Проворный», командир.

Силин отключил связь и раздавил окурок в пепельнице. Одновременно загорелись кнопки сигналов с орудийных башен и дирижабля.

– Подтверждаю приказ. Семнадцать-пятьдесят, по готовности.

Пушки начали равномерно ухать, но в гул канонады вмешался щелкающий звук. Это пулеметы. Какофонию дополнила сирена тревоги. Вспышки и быстрые тени замелькали за бронестеклом окошка. Батарея атакована.

По коридору пробежали военморы, клацая затворами винтовок. Ворвался всколоченный дальнометрист: «Командир, по своим стреляем!»

– Нам раскрыли новые способы кричать, убивать и веселиться, а мы даже старых еще не распробовали.

– Что? – выдохнул дальнометрист, оседая у двери. Пистолетный выстрел слился с залпом батареи.

– По своим стреляем, по своим! – Силин швырнул ТТМ на стол.

Пулеметчик дирижабля садил из пулемета по черным фигуркам внизу, и попадал, попадал. Отстреляны уже две ленты, но нападавших словно и не убывало. Из окон казармы тоже стреляли. Черт, как же их много! А снизу уже не отвечали, хотя бронебашни исправно утюжили море.

Еще в гидроплане каперанг Романцев огласил официальную версию произошедшего: На Эзельской батарее Б-11 проводились учебные стрельбы, а эсминец «Проворный» попал под огонь из-за поломки навигационных приборов.

– Версия корявая, но соседей должна устроить, поскольку их суда не пострадали. Что же было на самом деле, нам предстоит узнать. – Романцев провел ладонью по седому бобрику, словно проверяя работу парикмахера.

– А какова неофициальная версия, товарищ каперанг? – вклинился каплей Белкин из флотской прокуратуры. Романцев взглянул на него так, будто Белкин только что материализовался из воздуха. Раздражал он, этот адмиральский сынок. Одет и причесан по уставу, только китель пошит в Доме Моды и парижским одеколоном разит на весь салон. Наверняка свингует вечерами под саксофоны.

– А неофициальная состоит в том, что дурак Силин накрыл огнем судоходный сектор в нейтральных водах. Он отстрелял четверть боезапаса, потом явились пловцы Балтфлота и застрелили его в собственном бункере. Вот, изучите внимательно.

Каперанг передал Белкину папку бумаг. «Впервые в комиссии?» – спросил Романцев, словно не знал ответа.

Так, перелистаем. Все листы одной фактуры, клавиша «Е» везде западает. Не икона, а новодел, тут к гадалке не ходить.

Белкин уже в который раз пытался поймать взгляд порученца Романцева, своего сокурсника Лехи Вахина, но тот отвечал взором сомнамбулы. Остальных членов комиссии Белкин знал по службе, приятельских отношений, правда, не завел. Но те кивнули, а Вахин сквозь тебя в иллюминатор смотрит. Что ж, придется изучать бумаги.

Выглядело так, будто к прилету комиссии на батарее провели генеральную уборку. Командно-дальномерный пост побелен, трава покрашена в зеленый, волны – в синий. Орудийные бронеколпаки начищены как пуговицы. Хотелось верить, до такого не дошло, но чисто выбритый старлей вызывал подозрения подобного рода.

Старлей по фамилии Постнов козырнул прибывшим и отрапортовал о том, что временно исполняет обязанности командира батареи. За последние двенадцать часов происшествий не было.

Полковник Романцев, глава комиссии, досадливо сморщился:

– Постнов? В списках комсостава батареи такой не значится.

– Я прибыл из Риги вчера вечером, вот назначение штаба округа, – старлей протянул бумагу. Романцев, не взглянув, передал ее Вахину.

– Выходит, личный состав находится под арестом?

– Так точно, товарищ каперанг.

– А кто будет отражать противника, если попрут? Всех выпустить, пусть несут службу пока. Офицеров, свободных от вахты, ко мне по одному. Вы, Белкин, допросите рядовой состав. Андриенко и Иецелниекс – общий осмотр. Доктор, найдете тела.

– Есть.

Каперанг удивленно посмотрел на Постнова, который всё еще стоял перед ним.

– Бегом!

Того сдуло с места.

– Остальные – шагом.

Вскоре зазвучали команды, расчеты побежали по местам. Батарейных, как выяснилось, не кормили со вчерашнего дня, так что поваров торопили с обедом. Белкин нашел дежурного по казарме белобрысого военмора с красными глазами. Вместе с ним обошел помещения и остановил свой выбор на каптерке: «Давай по одному на исповедь!»

Никто из допрошенных не знал о предстоящих стрельбах, не видел штурмовавших батарею пловцов. Те, кто был в бронебашнях и казармах, забаррикадировались, а экипаж дирижабля видел только силуэты. Загадкой представлялось вот что: как и на чем пловцы Балтфлота умудрились прибыть сюда уже через полчаса после начала обстрела и почему они не стреляли, после того как их обнаружили.

– Следующий! Фамилия, имя, отчество?

– Кадкин Денис Семенович.

– Не спал?

– Не спал, товарищ капель.

Кадкин выглядел так, что можно было и не спрашивать.

– Во время учений где был?

– На своем номере, я заряжающий четвертого орудия.

Белкин сверился со списком. Всё так.

– Во сколько начались стрельбы?

– Около двадцати ноль-ноль, учения были внеплановые, никто не готовился.

– А закончили?

– Я не засекал, товарищ каплей, – военмор пожал плечами, – но около часа стреляли, думаю.

В открывшуюся дверь заглянул Вахин.

– Август, тебя каперанг требует.

– Ладно, потом продолжим, – Белкин хлопнул заряжающего по плечу.

Оказавшись снаружи, однокурсники переглянулись.

– Я думал, ты меня не узнал, – признался Белкин.

– Брось, просто каперангу бы не понравилось. Строг.

– А зачем я ему сейчас понадобился?

Вахин усмехнулся.

– Мне знать не положено, но ничего приятного не услышишь. Видел?

Август повернулся в указанную сторону. Со стороны Рижского залива в предзакатном небе ползли тяжелые дирижабли с истребителями в подвесках. В Швецию, похоже. И одного «Атланта» вполне достаточно, чтобы сровнять Стокгольм с землей, а тут целых пять.

– Слушай, где находится база пловцов Балтфлота?

Порученец резко остановился, снова став похожим на сомнамбулу.

– Вот это мне знать положено. Но не знаю. Странно.

– Странно, – согласился Белкин.

Вахин привел однокурсника в офицерскую столовую. Члены комиссии уже расположились за столом. Посреди скатерти стоял складной латунный восьминожник, явно привезенный Романцевым с собой, а не одолженный в «красном уголке» батареи.

– Товарищ каперанг, по вашему приказанию явился, – козырнул Белкин.

– Садитесь обедать.

Кроме Романцева и Вахина были также Иецелниекс, Андриенко, Постнов и еще два офицера, очевидно батарейных. Вместе с Белкиным – восемь человек. Из присутствовавших только доктор Кеосаян не участвовал в трапезе – возможно, он должен был наблюдать за состоянием участников транса.

Каперанг, на правах старшего, приподнял восьминожник и тут же опустил его на подставленные ладони. Свободной рукой он медленно налил внутрь морскую воду, отчего острые ножки вонзились в кожу восьмерых собравшихся.

Во рту появился вкус соли, как всегда во время коллективного транса. Август не верил в богов, хотя рационального объяснения происходящему не находил. В курсе прикладной теологии эта процедура вскользь описывалась, но практикумов почему-то не было. Когда-нибудь наука и это разберет на винтики. Кислородом дышали и до его открытия, а нынешний ритуал был когда-то детской игрой. Дети ошибались лишь в слове «вода», ставя в нем ударение на первый слог.

– Море волнуется раз.

Стало темно и шатко, только золотая фикса Романцева иногда вспыхивала как маяк. Водой был Вахин. Оказалось, что он специально учился этому.

– ...волнуется два.

Соленая вода из восьминожника вымывала нутро и возвращалась обратно, свет внезапно блеснул и стремительно стал заполнять пространство, вдруг остановившись вокруг Августа белыми стенками прокуренной комнаты.

– ...три.

– Попадание подтверждаю, – доложили с дирижабля.

– Хорошо, теперь квадрат семнадцать-пятьдесят.

Недоумение на лице усатого наводчика, эсминец «Проворный» в окружении всплесков от снарядов. «Командир, по своим стреляем!» Сдвоенный пулемет выплюнул отстрелянную ленту. Осколки событий, собранные сотрапезниками, Вахин складывал в безумный витраж. Наконец закончив, он разбил выстроенную картину в соленые брызги и стал смотреть на открывшийся за окном пейзаж. С порезанных рук капала морская вода.

– Всё.

Восьминожник кто-то убрал.

Августа трясло как в ознобе. Прочие участники трапезы тоже выглядели неважно.

– Следствие закончено, официальную версию события считаю подтвержденной. Благодарю за работу, всем отдыхать, – сказал Романцев и добавил, повернувшись к Кеосаяну: – Распорядитесь доставить сюда матрасы.

Белкин смотрел в потолок, испытывая припадок отвращения к своей работе. Собирать сведения, добывать информацию и никогда не знать результата, даже не иметь понятия, кто и как распорядится плодами его труда. Прежде казалось, что с этим можно примириться, но теперь погоня хотелось сорвать как перцовый пластырь.

Увиденное в трансе не только не подтверждало официальную версию, но порождало еще больше вопросов. Хваленые боевые пловцы не сумели проникнуть ни в башни, ни на контрольно-дальномерный пост, ни даже в казармы, при этом даже не пытались воспользоваться спецсредствами. А ходили легенды, будто они захватывают линкоры, идущие на полном ходу. Далее, кто же убил командира батареи, раз пловцы до него не добрались? Нужно бы осмотреть его тело, но доктор Кеосаян в трансе не участвовал. Почему? То, что видел доктор, полностью похоронило бы официальную версию, на которой настаивал каперанг, – вот единственное объяснение.

Вокруг храпели на пять голосов, кто-то скрипел во сне зубами. Застонал Вахин, которому пришлось труднее всех, он так и не приходил в сознание. Август повернулся к нему, бледному, бездвижному, положил руку на запястье – жив ли? Пульс прощупывался. Вахин, не открывая глаз, сжал кисть Белкина и стал постукивать по ней пальцем то легко, а то сильно прижимая. Морзянка, как тогда, на экзамене по диамату?

– ...база пловцов в море...

Из темноты и страха своего забытья Вахин хотел донести не просьбу о спасении, не послание любимой, а именно это. Белкин постучал пальцем по запястью порученца, но, похоже, связь тут была односторонней.

– Доктор, вы здесь? – позвал Август.

– Здесь. Что у вас? – Темный силуэт шевельнулся в углу.

– Мне бы на воздух, но на ногах не стою. Поможете?

Кеосаян приблизился, поднял Августа на ноги.

– Держитесь за плечо, капель.

На улице уже светлело. Они сели на скамейку у выхода. Доктор закурил, Белкин отказался от предложенной сигареты.

– Как вас по имени-отчеству?

– Артак Минасович. Зовите просто Артак.

– Я Август.

– Именины весь месяц отмечаете? – Доктор слегка подтолкнул Белкина плечом.

– Если бы! До конца сентября! Я вот что хотел спросить вас, Артак: как бы мне взглянуть на труп Силина? И если его не убили пловцы, то как он умер?

– Застрелился. Пороховой ожог вокруг раны на виске, вы понимаете.

Август согласно кивнул.

– А где морг? На труп всё же хочется взглянуть.

Кеосаян аккуратно положил недокуренную сигарету на раструб урны.

– Я мигом проверю, как там внутри, и сходим, ладно? Чуть подождите.

Но через минуту вместо доктора пришел Иецелниекс: «Каперанг вас требует немедленно!».

– Он без меня как без рук! – усмехнулся Август, поднимаясь.

В офицерской столовой уже зажгли свет, все были на ногах. Только Вахин по-прежнему лежал на своем матрасе. Заметив вошедших, Романцев велел батарейным офицерам удалиться. Что-то было не так, что-то изменилось. Доктор Кеосаян стоял возле Романцева с напряженным лицом, а здоровяк Иецелниекс загородил дверь.

Август снова посмотрел на Вахина, который по-прежнему выстукивал точки и тире кода Морзе: «...в море семнадцать-пятьдесят...» Каперанг, проследив за взглядом Белкина, резко нагнулся к порученцу и с хрустом сломал ему указательный палец.

– Да ты... – Август бросился на Романцева, но Иецелниекс мгновенно оказался между ними и отправил Белкина на пол резким тычком. Тяжелое колено придавило его к полу, выбив воздух из легких.

– Молчи и слушай! – Романцев уселся на стул.

– Просто из уважения к твоему отцу позволь мне объяснить кое-что. Думаю, ты в курсе, что СССР владеет Балтфлотом на паях с запердельными силами. Вижу – знаешь, хоть тебе и не положено. Отсюда и корабли, не требующие экипажа, и лучи смерти, и тяжелые дирижабли, которые по законам физики не должны бы летать, и прочие чудеса. Ты думал, это наши «кулибины» изобрели? Если бы! Но вот, понимаешь, какая штука: это ведь не только с Балтфлотом так, но с каждым военным округом, каждой воинской частью любого государства. Но мы огромная страна и пайщики везде разные. Следовательно, то, что для Древних всего лишь мелкая склока, для нас будет гражданской войной. Это понятно?

– Да, – прохрипел Август.

– Тогда присаживайся и слушай дальше. Отпусти его, Гунтис.

Белкин послушно вскарабкался на стул.

– То, что произошло здесь, на батарее, – очень серьезно, и твое частное расследование ставит под угрозу государственную безопасность. Силин действовал под влиянием «паутины Атлач-Нача», доктор нашел ее на спине трупа. Доктор, покажите ему!

Извлеченная из саквояжа пробирка служила тюрьмой существу, схожему более с пиявкой, чем с паутиной, только цвета белого. Тварь скручивалась в пружину и снова распрямлялась, сиюсь выдавить пробку. «Вырезал ее с куском мяса», – сообщил Кеосаян.

– Эта дрянь может вылезти откуда угодно, прилепляется к позвоночнику, и человек теряет волю, теряет способность ходить. Когда же Силин получил свободу, он застрелился как честный офицер и человек.

А в квадрате семнадцать-пятьдесят, по которому палила батарея, находится город глубоководных. Понимаешь, к чему я клоню? Мы, следственная комиссия Балтфлота, обязаны представить отчет как в Совнарком, так и Подводному Хозяину. Представь, что он узнает правду и тогда мы будем иметь вооруженный конфликт Балтфлота с Прибалтийским военным округом – вотчиной Атлач-Нача. Поэтому мы и подготовили два разных отчета.

Перед Августом легла пачка машинописных листов.

– Это для Совнаркома, и ты его подпишешь сейчас, – каперанг протянул Августу авто-ручку. Тот подписался на всех листах.

Романцев указал на бездвижного Вахина.

– А этот отчет для Подводного Хозяина, и упоминаний об Атлач-Нача там нет.

«Его придется подписать потом», – догадался Август.

Через час гидроплан оторвался от воды, но полетел не в Ленинград, а в сторону Швеции, как и вчерашние дирижабли. А вот и они – пять темных точек над темной водой. Вахина уложили в надувную шлюпку.

– Воинство Атлач-Нача с венденского аэродрома, – усмехнулся Романцев. Самолет заходил на приводнение, у пристегнутого к носилкам Вахина потекла слюна изо рта.

– Иван Сергеевич, разрешите вопрос?

Это было дерзким отклонением от устава, но каперанг бровью не повел – не до церемоний.

– Валяй!

– Вахин у вас который по счету порученец?

– Не считал. А это попытка оспорить то, что стоит повесить троих, чтоб спасти четверых?

Август усмехнулся.

– Силин застрелился как честный офицер и человек. Отчего же вы не застрелитесь?

– Есть такая профессия – родину защищать.

– Есть. Жаль, что вы ее не выбрали.

Иецелниекс приподнялся: «Разрешите мне?» Романцев махнул рукой, угощайся, мол. Но здоровенный прибалт замер, когда Белкин продемонстрировал ему пробирку с «паутиной Атлач-Нача». Сорвать крышку большим пальцем – секундное дело. Громила не спасовал бы и перед пулей, но перспектива стать марионеткой его напугала.

Хлоп, хлоп, хлоп. Романцев аплодировал.

– И когда ж успел?

– Когда шлюпку надували.

– Молоде-е-ц! Что будешь делать дальше?

Вот с планами было непонятно. А гидроплан несколько раз скакнул и приводнился. Андриенко обернулся, стягивая пилотский шлем, но так и застыл, увидев пробирку в руках Белкина.

– Мы в квадрате семнадцать-пятьдесят, не так ли? – спросил наконец Август.

– Именно так, – каперанг улыбнулся, чувствуя его растерянность.

– Тогда план такой: вы, господа, достаете Вахина из шлюпки и грузитесь в нее сами.

Далее вы направляетесь куда пожелаете, а я с Вахиным улетаю.

Романцев по-прежнему улыбался.

– Не пойдет. Ты разумный человек, и откроешь пробирку лишь в самом крайнем случае, меня же устраивает и патовая ситуация.

Они готовы сидеть и часами ждать, пока Август утратит бдительность. Возможно, у кого-то из них есть оружие, они не задумываясь им воспользуются, выждав подходящий момент.

Тут в дверь салона гидроплана постучали снаружи. Это был даже не стук, а как если бы шлепали мокрой тряпкой. Из иллюминатора не разглядеть, кто там есть.

– Кого-нибудь ждете? – Август ощутил прилив адреналина. Кровь колотила в виски как в набатный колокол.

– Не возражаете, если я открою? – спросил Романцев. Внезапный переход на «вы» еще более настораживал.

– Откройте. Медленно, не загроживая мне остальных.

Каперанг, аккуратно выполняя инструкцию, откатил дверь вбок. Влетел ветер, на пол полетели брызги. А следом в салон гидроплана стали запрыгивать люди в черных водолазных костюмах, мгновенно заполнив свободное пространство, источая запах рыбы. Август от неожиданности едва не открыл пробирку.

Да ведь не костюмы это на них – вон, чешуйки, костяные наросты. Пловцы Балтфлота действительно не были людьми. Об их чешую разбивался любой скепсис.

Черные существа молча вытащили шлюпку наружу, громко плюхнув ее об воду. Дверь за ними захлопнулась. Несколько минут никто не проронил ни слова, будто это была минута молчания по Вахину.

– Что ж, капель, однокашника ты не уберег, так, может, отдашь пробирку?

– Забирайте! – Август бросил стекляшку Романцеву, тот поймал ее в полете.

– Но где «паутина»?

Каперанг переводил взгляд с Белкина на пустую пробирку и обратно.

– Чувствуете, как отнимаются ноги? – спросил его Август.

– Что?

– Ноги. Она прилепляется к позвоночнику, и человек теряет волю и способность ходить. Так вы сказали. Поэтому и спрашиваю, можете ли вы еще подняться.

Каперанг налился краской и полез за спину рукой.

– Когда вы открывали дверь, я выпустил тварь вам на спину.

– Гунтис, убей его! – приказал Романцев Иецелниексу, но тот резко взял каперанга за затылок и подбородок и с хрустом свернул ему шею. Звук был тот же, что и тогда, когда сломали палец Вахина.

– Ты что сделал, кретин? – заорал Кеосаян. Тело каперанга сползло ему под ноги.

– Какой номер инструкции? – спокойно спросил Август у Иецелниекса.

– Номер четыре. «Любой военнослужащий, попавший под вражеский ментальный контроль, должен быть немедленно уничтожен». Но ты, капель, сейчас тоже умрешь. Мучительно, без инструкции.

– Возражаю, – Белкин достал из кармана пробирку, на этот раз не пустую. Раздалась брань сразу на трех языках.

– Надо же, впервые и блеф и натс в одной руке!

Август взвесил пробирку в руке, оглядел всех в салоне.

– Гунтис, Артак Минасович... Андриенко, как вас? Борис? Прекрасно! Итак, предлагаю: мы взлетаем и направляемся в район эскадры моего отца, я покажу местоположение. Он тоже локальное божество, не Атлач-Нача или Подводный Хозяин, но про Роберта Андреевича Белкина, надеюсь, слышали? Контр-адмирал, а?

Все знали, все слышали. Никто не возражал.

– Официальная версия такова: каперанг Романцев действовал под влиянием «паутины», и Иецелниекс поступил строго в соответствии с инструкцией номер четыре.

– Но след «паутины»...

– Надеюсь, Артак Минасович не откажется вырезать кусочек плоти со спины бывшего начальника. Или остаются какие-то химические следы?

Кеосаян помотал головой и полез в саквояж за инструментами.

– Борис, взлетаем!

Гидроплан закрутил винты, точки над морем стали почти неразличимы, а потом пропали вовсе. Остались лишь бакланы и облака. И еще остались счета – за Вахина, за Силина и тех парней, что погибли на батарее. У нас хорошая память. Придет время – посчитаемся за всё.

Юрий и Татьяна Бурносовы СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

*Самые прекрасные фильмы сделаны русскими.
Жан Морис Эжен Клеман Кокто*

Режиссер аккуратно сложил вчерашнюю «Правду» и сунул ее в специальный держатель на стене. В огромном иллюминаторе был виден уползающий вдаль Ленинград, а чуть левее в небе – маневрирующее звено И-16 с красными звездами.

– Пока летают, – прогудел низкий голос, и режиссер оглянулся. В купе вошел пожилой полковник. Совершенно лысый, но с густыми пшеничными усами, на груди – медаль «XX лет РККА» и потертый орден Красного Знамени. Судя по возрасту и выправке, еще из царских, они все как-то выделялись из других краскомов...

– Колобанов, Илья Ильич, – представился тем временем полковник, протягивая руку с безукоризненными холеными ногтями.

– Александров, Григорий Васильевич.

– Вот и славно, – полковник сел напротив. Восемиместная пассажирская кабина была пуста, из Ленинграда сегодня почти никто не летел в Москву. Впрочем, так оно и лучше, свободнее и спокойнее. – А я торопился, видите ли, и не успел на земле подготовиться. Пришлось в здешнем буфете, но не жалею. Отличный коньяк, а закуска у меня с собой всегда.

С этими словами Колобанов раскрыл небольшой кожаный саквояж и выставил на столик бутылку азербайджанского коньяка, а затем принялся выкладывать шпроты, копченую и докторскую колбасу, а сверх того даже бутылку кетчупа Ленинградского пищекомбината. Александров слышал, что этот продукт весьма понравился товарищу Микояну после его визита в Америку, вот и пустили в производство. Раньше попробовать как-то не доводилось.

– Вы его на колбасу лейте, – тоном знатока посоветовал Колобанов, глядя, как попутчик читает этикетку. – А вы, простите, не тот ли Александров, что снимает кино?

– Тот самый, – улыбнулся режиссер, ставя бутылку на столик.

– Смотрел, смотрел! «Веселые ребята» – это ж ого-го! Утесов, да! А «Цирк»?! Как там – «Я из пушки в небо уйду!» И негритенок, негритенок... «Все вокруг спать должны, но не на работе», – довольно мелодично пропел Колобанов. – Рад знакомству. А сейчас в Москву? Что-то снимать, видимо, планируете? А что, если не секрет?

Александров помрачнел.

– Старая задумка, – сказал он, вынимая из ящичка в столе хрустальные стаканчики. – «Золушка».

– Простите, – удивился полковник, – но это же сказка?

– Это не та сказка. Это наша советская реальность. Обычная девушка становится передовиком производства... Впрочем, зачем я рассказываю, вам потом будет неинтересно смотреть.

– И то верно, – согласился Колобанов. – Давайте тогда выпьем за знакомство, нам еще лететь несколько часов. Если вам моя сухомятка не нравится, можно с кухни горячего заказать. У них гуляш, соляночка, я спрашивал.

– Обойдемся. Вы уж извините, что я не вношу свою лепту. Ничего не захватил, – развел руками Александров.

– Бросьте, – полковник разлил янтарный напиток по стаканчикам. – Ну, заискрится сила во взоре!

Они чокнулись и выпили. Сорокатонная махина К-7 летела на юг, пронзая облачный фронт. Иллюминатор словно молоком облили.

– Про силу во взоре... Это ведь Апухтин, если не ошибаюсь? – уточнил Григорий Васильевич, откусывая от политого кетчупом бутерброда. Вкусно. Микоян был прав.

– Да, он самый. Помню, в гимназии... – Полковник внезапно замолчал, потом мотнул головой и продолжил: – А, неважно... Скажите лучше, как вам самолет?

– Я уж третий раз лечу на нем. По-моему, прекрасный. Словно в поезде, даже лучше.

– А я вот впервые сподобился. Гениальнейший мастодонт. Не то что эти дирижабли... Жаль, шлепнули Калинина.

Режиссер не сразу понял, что речь идет не о всеоюзном старосте, а об авиаконструкторе Константине Калинине, которого и в самом деле расстреляли как врага народа. Кажется, в тридцать восьмом. Именно Калинин создал самолет, на котором они сейчас летели в Москву, но после катастрофы производство было законсервировано и вновь запущено лишь в тридцать девятом.

Колобанов задумчиво жевал, шевеля усами и глядя в иллюминатор. Внезапно белесая мгла снаружи растаяла, снова показалось ярко-голубое небо, и полковник вскрикнул:

– Смотрите! Смотрите!

Александров послушно приник к толстому стеклу и увидел, как в полусотне метров от них параллельно курсу самолета летит уродливый фосфоресцирующий клубок размером с полуторку. Вслед за клубком тянулись мириады тонких щупалец. Они мигали разноцветными огоньками, извивались и дрожали.

– Надеюсь, мы его не заинтересуем, – пробормотал полковник. – Три дня назад у нас в округе вот так ТБ летел... Он его в землю, ни за что все насмерть... Им же без разницы...

– Тс-с! – прошипел Александров, словно омерзительный спутник мог их услышать.

Клубок летел рядом еще около минуты, после чего резко обрушился вниз. Возможно, увидел нечто более любопытное, нежели самолет.

– Твою мать... – Полковник, бренча горлышком бутылки о края стаканчиков, снова разлил коньяк. – Никак не привыкну.

– Никто не привыкнет, – сказал Григорий Васильевич.

– У соседей такого сбить пробовали. Давно еще, в том году. Майор Грицевец, дважды Герой, за Испанию и Халхин-Гол.

– Получилось?

– Хрен. Майор в лепешку, а ему хоть бы хны. А потом всё начальство, вплоть до командующего ВВС округа, сняли, и с тех пор о них ни слуху ни духу. Самоуправство, дескать, нарушение договоренностей...

Махнув рукой, Колобанов осушил стаканчик.

– А главное, никто не знает, что им нужно. И весь материализм и эмпириокритицизм навернулся. И никто сделать ничего не может: Черчилль, Рузвельт, Муссолини, Лебрен, Франко, Гитлер, Сталин... Сильные мира сего, мать их. Вот где сильные! – Полковник громко постучал костяшками пальцев по стеклу иллюминатора. – Только не от мира сего *они*, эти сильные. «Се – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя», – громко процитировал полковник. – Вот только на служителей культа *им* тоже наплевать. Вы знаете, что еще в тридцать девятом патриарший местоблюститель Сергей выходил к *ним* с молебном?

– Откуда же мне знать... И что? Хотя я уже догадываюсь...

– Правильно догадываетесь. – Полковник тяжело вздохнул. – Съели.

На центральном аэродроме имени Фрунзе на Ходынке они с Колобановым распрощались, но всю дорогу до Ногинска режиссер вспоминал последние слова полковника, простые и точные.

Он сидел на заднем диване уютного темно-красного «Horch-853», подаренного в прошлом году «Мосфильму» германской студией «Olympia-Film GmbH» и врученного лично Лени Рифеншталь. Молчаливый водитель остановился лишь раз, чтобы подкачать колесо, и вскоре Григорий Васильевич уже был на ткацкой фабрике бывшей Глуховской мануфактуры, где и должны были снимать изрядную часть «Золушки».

Здесь уже бегал Кноблок, размахивая руками и ругая нерадивых рабочих.

– Станки будем расставлять вон там! Вон там! А эту стенку несите туда, туда! Да вон туда, чтоб вам лопнуть! Тьфу ты...

Обозлившийся художник-постановщик плюнул и отошел в сторону, присев на ящик.

– Борис, всё лютуешь?! – добродушно осведомился Александров. В привычной обстановке съемок, с запахом нагретого софитами воздуха, целлюлоида, свежей древесины декораций он сразу почувствовал себя значительно спокойнее.

– Да невозможно работать. Почему у Охлопкова нормальные рабочие сцены, а здесь какие-то дегенераты?! Нет, я снова уйду в театр, Григорий Васильевич, это не мое. Не мое.

– Давай картину доснимем, а потом посмотрим, – режиссер похлопал Кноблока по плечу. – Сам ведь знаешь, чего мне стоило ее разморозить.

– Да я-то понимаю, но... – начал было Кноблок, но тут же замолчал, глядя куда-то за спину Александрову. Режиссер резко обернулся – так и есть, к ним шла Любовь.

– Ты опоздал, – решительно произнесла она, подойдя. Кноблок тут же куда-то испарился, на случай семейной ссоры.

– Прости, Люба, – сказал Григорий Васильевич виновато. – Вызвали в Смольный, сама понимаешь, я никак не мог... Вылетел на полдня позже. Тут всё равно еще ничего не готово.

– Однако я должна тут сидеть без дела и ждать! – Орлова сверкнула глазами и сердито принялась рыться в сумочке. Нашла пачку американских сигарет с верблюдом на желтоватой пачке, закурила, надув губы.

– Люба, – укоризненно произнес режиссер. – Это же Жданов. Я должен был проигнорировать встречу?

– Послушай, ты прекрасно знаешь, что Жданов – это уже совсем не тот Жданов. Эти ваши съезды, депутаты, аплодисменты, парады – всё осталось в прошлом, всё превратилось в пыль! Григорий, разве ты этого не видишь?! Сталин – Сталин!!! – вынужден советоваться с каким-то отвратительным кальмаром, чтобы...

– Тихо! – крикнул Григорий Васильевич так, что на него оглянулись рабочие-декораторы и возившийся с камерой оператор Петров. – Тихо... – сказал он уже спокойнее. – Ты же знаешь, что бывает за распространение. Да, *они* пришли. Однако НКВД, а теперь еще и НКГБ исправно работают. И что-то я не видел, чтобы *они* так уж часто вмешивались в их дела.

Он взял жену за руку, желая сказать что-то еще, объяснить ей, что так вести себя не следует, что всё вокруг, возможно, уже изменилось, но еще не стало окончательно другим. Орлова вывернулась и спросила:

– Мы сегодня начнем снимать?

– Непременно, – пообещал Александров. – Можешь гримироваться, Борис расставит декорации так, как ему нужно, и станем работать. Он как-то по-особенному хочет снять катушки.

– Меня интересуют совсем не катушки, – холодно сказала Орлова и ушла.

Не успел Григорий Васильевич переговорить с оператором, как его принялись донимать авторы песен к фильму. Вернее, донимал в основном один – Анатолий Д'Актиль, напи-

савший знаменитый «Марш конников Буденного». Второй, Миша Вольпин, помалкивал. Он уже отсидел свое в заполярном лагере за то, что вместе с Эрдманом и Массом сочинял анти-советские басни, и теперь предпочитал не соваться с рацпредложениями, а делать, что скажут.

Впрочем, его это не касалось нисколько, ибо речь шла о главной песне, помпезно именованной «Маршем энтузиастов». Текст к ней придумывал Д'Актиль.

– Мне не нравятся слова, – он сунул под нос Александрову листок с напечатанным текстом.

*В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!*

*Ты по степи, ты по лесу,
Ты к тропикам, ты к полюсу
Легла родимая, необозримая,
Несокрушимая моя.*

Григорий Васильевич прочел куплет, который давно уже знал наизусть.

– Что вам не нравится, Анатолий Адольфович?

– Здесь нет ничего о... ну, вы понимаете.

– Нас никто не обязывал и даже не просил, – сухо заметил режиссер.

– И тем не менее. Не мне вам рассказывать, что стало с Кумачом.

Александров поморщился. Лебедев-Кумач сгинул еще в тридцать девятом вместе с домом, в котором жил. Тогда же исчезла примерно треть улицы Горького и Центральный телеграф, которые чем-то не понравились одному из...

– Ваше идолопоклонство порой доходит до абсурда, – Григорий Васильевич бесцеремонно оттолкнул песенника. – У цензуры нет вопросов? Так не выдумывайте их сами себе на ровном месте. Видит бог, у меня достаточно других хлопот.

Бог, к сожалению, этого не увидел, и буквально через час хлопот у Александрова добавилось. Он сидел и пил чай с сушками, когда подбежал звукорежиссер Тимарцев и торопливо, негромко сообщил:

– Там к вам из НКГБ приехали... Старший майор со свитой.

Григорий Васильевич привстал, поставил тяжелый подстаканник на стол.

– Какой из себя?

– Высокий, костлявый, в кругленьких очках. Лысый, уши, как у нетопыря... Я его, кажется, где-то уже видел.

– Еще бы ты его не видел...

Александров быстро, одним большим глотком, допил чай и застегнул пиджак. Похоже, к ним пожаловал сам Семен Семенович Дукельский, председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Человек жесткий, странный и непредсказуемый. Сменивший систему процентных отчислений от проката фильмов, получаемых творческими работниками, на твердые ставки. Почти не разбирившийся в кино.

– Я пошел, – непонятно зачем прокомментировал очевидное Григорий Васильевич и услышал, как звукорежиссер тихонько сказал вслед:

– Ни пуха.

Дукельский стоял в цеху и с интересом разглядывал станки, декорации и светоустановки. Рядом мельтешил Д'Актиль с видом «Чего-извольте-с», но предкомитета на него вни-

мания не обращал. Также поодаль маялись два молодых лейтенанта госбезопасности, один с черным кожаным портфелем в руках.

– А-а, товарищ Александров! – обрадованно воскликнул Дукельский, завидев режиссера, и быстро зашагал навстречу. Сунув вперед узкую горячую ладонь, он спросил:

– Уже снимаете?

– Нет, я только что из Ленинграда, был у товарища Жданова. Говорили о съемках документального фильма о Ленсовете...

– Что-то вроде вашего «Доклада товарища Сталина о проекте Конституции СССР на Чрезвычайном VIII съезде Советов»?

– Я пока не знаю. Мы, так сказать, обсудили общие моменты.

Только теперь Дукельский разжал руку, поправил очки и сказал:

– Хорошо. Я хотел поговорить с вами о весьма... хм-м... необычной вещи, товарищ Александров. К вам на съемки изъявил желание прибыть представитель... ну, вы понимаете, о чем я.

Дукельский внимательно посмотрел на режиссера своими круглыми глазами, такими же круглыми, как его очки. Как же он смахивает на местечкового провизора, подумал Григорий Васильевич... Если вдруг придется снимать кино из еврейской жизни, надо его пригласить. Хотя какое, к черту, кино из еврейской жизни и тем более приглашение... Отгнав дурные мысли, режиссер еще пару секунд помолчал и осторожно спросил:

– Разве у *них* есть интерес к нашему кинематографу?

– Никто не знает, товарищ Александров, к чему у *них* вообще есть интерес, – предкомитета при СНК выглядел крайне серьезным. Ну да, ну да, подумал режиссер, не шутить же он сюда прикатил. – Нам докладывают из Америки, там внимание еще более пристальное. Форд, Виктор Флеминг, который эти... «Летающие по ветру»? Кинг Видор, Капра, Дисней...

– *Они* что, смотрят фильмы?!

– Нет, – Дукельский вздохнул. – *Они* участвуют в производстве.

– Зачем?! – опешил Александров.

Режиссер вспомнил летящий рядом с огромным К-7 нелепый ком, за которым тащились шупальца. Нет, конечно, он видел фотографии и кинохронику. Не все *они* такие. Некоторые даже слегка человекоподобны, другие – такие, в сравнении с которыми в какой-то степени человекоподобен даже этот летающий ужас... Но зачем им кино?!

– Я не знаю, товарищ Александров, – сказал Дукельский, снова поправляя очки. Только сейчас режиссер заметил, каким усталым выглядит старший майор. – Он прибудет завтра утром. Хотя, если честно, это ни о чем не говорит – он может прибыть уже сегодня, а может вообще никогда не прибыть.

– Как... – Режиссер запнулся, словно подавился воздухом на вдохе. Дукельский терпеливо ждал, и режиссер сделал вторую попытку:

– Как вы с *ними* общаетесь?!

– Если бы я это знал, товарищ Александров.

Дукельский повернулся и бросил через плечо:

– Я не стану вам мешать. Пожалуйста, известите меня, когда представитель появится. Мы будем ночевать в районном отделе.

Чуть прихрамывая – видно, сказывались последствия не столь давней автокатастрофы, – старший майор направился к выходу, за ним поспешили молодые лейтенанты. Один то и дело с восхищением оглядывался на стоявшую у станков в полном гриме Орлову, готовую к съемке. Любовь в ответ лучезарно улыбнулась и помахала рукой – лейтенант обомлел окончательно.

– Что он хотел? – спросила актриса, когда муж подошел к ней.

Александров безжалостно выложил всё, что рассказал ему предкомитета по кинематографии. Орлова опешила, загасила очередную сигарету прямо о станину кинокамеры и сказала категорично:

– Я не смогу работать.

– Люба, тебя никто не спрашивает, сможешь ты работать или нет. Ты должна. И я говорю уже не о размороженном проекте, лежавшем под спудом два года. Это совсем иной уровень. Когда я летел сюда, рядом был один из *них*. Он мог шутя уничтожить самолет, просто так, ради своей прихоти. Но я долетел. Наша жизнь теперь – цепочка вот таких случайностей, как у муравья, который несет соломинку через Красную площадь во время парада. Каждую секунду на него может наступить сапог красноармейца, наехать колесо броневика или гусеница тяжелого пятибашенного танка. Но он всё равно несет соломинку в свой дом, не думая о том, что может случиться. А тот, кто на него в конце концов наступит, даже не заметит. Или сделает это нарочно, хотя муравей ни в чем перед ним не провинился.

Орлова выслушала его внимательно, и только сейчас Григорий Васильевич заметил, что слушала его не только супруга, но и художник-постановщик, и оператор, и актеры Тяпкина и Самойлов, и рабочие... Поэтому он отступил на шаг и громко продолжил:

– Работаем так, словно ничего не случилось! Я планирую снять сегодня несколько дублей, незачем зря терять время! Что там с ткачихами?

– Они в своем общежитии, – отозвался кто-то из съемочной группы, – ждут, пока позвоним в цех.

– Так зовите! – сердито крикнул Александров. – Все по местам!

Слава богу, ни вечером, ни ночью Представитель не явился. Григорий Васильевич даже успел покемарить часа четыре в узком, похожем на гроб номере местной гостиницы. Жена спала еще меньше – открывая глаза в полусне, он видел, как она сидит на подоконнике и курит в форточку.

А с утра прибежал всё тот же подобострастный Д'Актиль и доложил, приседая от испуга и важности излагаемого:

– Он уже тут! Прямо в цеху!

– Беги к Дукельскому в райотдел, – велел Григорий Васильевич.

Он наскоро побрился, освежился одеколоном из пузырька с резиновой грушей и направился к цехам Глуховской ткацкой фабрики. Шел он неторопливо, аккуратно обходя оставшиеся после ночного дождя лужицы. В конце концов, *они* вечны. Час или два для них – даже не секунда. Его опоздание не будет замечено. А если будет, то ему откусят голову или сделают что-то куда более ужасное, но этого всё равно не избежать – если Представитель так решил.

Он сам не знал, что увидит в цеху. Пришедшие в мир выглядели слишком разными. Может быть, это окажется чем-то, на что и смотреть-то нельзя... Но всё оказалось значительно проще. В углу цеха, возле старой поржавевшей станины, расположилась туша размером с кашалота, каким его представлял Александров. Тускло поблескивающая в свете софитов, неравномерно пульсирующая, с одним огромным глазом темно-багрового цвета. Под ним, там, где могли быть рот или нос, кустились толстые жирные щупальца. Совсем не такие, как видел Григорий Васильевич у летающего монстра. Эти были короткие и постоянно шевелились, словно искали, кого бы схватить.

От Представителя исходил сильный, густой запах. Ничего земного в этом запахе не было, с большой натяжкой его можно назвать смесью запахов скотобойни и кондитерской. Смесью, где свежая кровь и содержимое кишечника нежно сочетались с корицей и кардамоном.

В цеху, как и следовало ожидать, не было никого, кроме Кноблока. Художник-постановщик в одиночку передвигал какой-то фанерный щит, отгораживающий ненужную для съемок часть цеха. Александров помог ему, шепотом спросив:

– Борис, ты тут давно?

– С полчаса... – шепнул тот в ответ. – Пришел, а *она* сидит... Молчит.

– Что делать будем?

– Снимать, что еще.

– Так нет никого. Боятся, болезные. А вот что: положу-ка я им тройную оплату. Типа форс-мажор.

– Верно, Григорий Васильевич, – одобрил Кноблок. – Положи. Мне тоже, если что.

И ободряюще подмигнул. Александров улыбнулся в ответ, и тут Представитель издал звук, похожий на тот, что издает болотная трясина. Словно огромный пузырь метана вырвался откуда-то из глубины и обрел свободу.

– Эй! – закричал режиссер, не обращая внимания на Представителя. – Все на площадку! Где директор картины?! Где оператор?

Цех понемногу заполнялся членами съемочной группы, которым Александров объяснил насчет форс-мажора. Кое-кто обрадовался, но в целом энтузиазма на лицах он не увидел. Тем не менее почти все пришли, и Григорий Васильевич велел готовиться к съемке.

Дукельский с сопровождающими лейтенантами появился, когда Орлова – неграмотная деревенская девушка Таня Морозова – уже заняла свое место у станка. Настоящие ткачихи с фабрики, снимавшиеся в фильме, были здесь же. На Представителя они старались не смотреть и держались в целом неплохо, лишь некоторые мелко крестились, чего Александров попросил в кадре не делать.

Первый же дубль сделали отлично. Можно было не переснимать, Григорий Васильевич и не стал. Представитель всё так же сидел в углу, изредка отдуваясь и булькая. Его багровый зрак вращался в орбите совершенно бессистемно, кажется, не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг. Один из мосфильмовских рабочих так обнаглел, что даже сел метрах в пяти от Представителя на корточки и закурил самокрутку.

Дукельский наблюдал за съемками, сложив руки на груди и напоминая адмирала, который ведет свой дредноут в последний бой. В перерыве между дублями он подошел к режиссеру и сказал:

– Нам нужно поговорить.

– Я весь внимание, – ответил Григорий Васильевич.

– Нет, вы не поняли. Нам нужно поговорить с Представителем.

– О чем?! Он сидит тихо, никого не трогает...

– ...починяет примус, – закончил за него Дукельский. Заметив удивление Александрова, любезно пояснил:

– Это из одного романа... Булгаков, знаете такого? Он еще написал пьесу «Батум», про молодые годы Иосифа Виссарионовича. Но я опять не о том. Нам нужно решить вопрос о названии фильма.

– Название давно уже есть, – недоуменно сказал Александров. – «Золушка». Под него даже выпущены рекламные продукты – спички, духи...

– У товарища Сталина другое мнение. Он предлагает назвать картину «Светлый путь».

Режиссер нахмурился. Нет, безусловно, «Светлый путь» – хорошее название, а «Золушка», как ни крути, сползает к детской сказочке братьев Grimm. Или Шарля Перро?

– А при чем тут Представитель? – осведомился он.

– Притом, что новый фильм Чаплина, «Великий диктатор», вообще не выйдет, – тихо произнес предкомитета СНК. – Собственно, фильма уже нет как такового. И Чаплина... Чаплина тоже нет. Вы хотите повторить его судьбу?

– Нет, не думаю, – растерянно отозвался Григорий Васильевич.

– Тогда идемте.

На глазах у съемочной группы они подошли к лоснящейся туше, развалившейся в углу цеха. Она всё так же беспорядочно пульсировала, а багровый глаз вращался в разные стороны, пока неожиданно не остановился прямо на них.

– Приветствую тебя, о Древний, – почтительно и громко произнес старший майор госбезопасности. Александров знал, что в сложной, построенной на вражде и противоречиях, иерархии пришлых человеку разобраться было почти нереально. С самого начала установилось обращение «Древние», хотя сами они, казалось, не обращали на такие мелочи никакого внимания.

Вот и сейчас режиссер сомневался, что Представитель ответит или хоть как-то среагирует. Но влажный, хлюпающий голос, исходящий откуда-то из внутренностей туши, пробормотал:

– Я слушаю...

Дукельский отшатнулся. Видимо, он сам не ожидал ответа.

– Название... – пробормотал он нерешительно. – Вы прибыли... Я хотел уточнить насчет названия фильма... Мы снимаем фильм...

– Я знаю, – прохлюпал Представитель, и щупальца хищно заплясали. Запах скотобойни усилился, перекрывая ароматы кондитерской.

– Товарищ... Товарищ Сталин хотел бы назвать фильм «Светлый путь». Вы ничего не имеете против?

Представитель молчал. Угольно-черная плоть содрогалась, щупальца шевелились всё быстрее.

– Я председатель комитета по кинематографии при Совнарком, – совсем упавшим голосом произнес Дукельский.

– Подойди, – отозвался Представитель.

Старший майор сделал шаг, другой. Внезапно щупальца выстрелили вперед, оплели Дукельского и потащили к внезапно распахнувшемуся под багровым глазом круглому ротовому отверстию, усеянному игольчатыми оранжевыми зубами.

Один из верных лейтенантов бросился к Дукельскому, вытаскивая из кобуры пистолет, второй, уронив портфель, кинулся прочь из цеха. Сухо захлопали выстрелы, по бетонному полу цеха запрыгали латунные гильзы, но Представитель не обратил ни малейшего внимания на впивающиеся в его тело пули. Он подволок к себе слабо сопротивляющегося Дукельского и откусил ему голову.

Замерший без движения режиссер слышал, как хрустит череп на оранжевых зубах, сокрушающих его, словно конфету-«подушечку». Потом Представитель бессильно уронил безголовое, слабо подергивавшееся тело старшего майора и вперил взгляд единственного глаза в стрелявшего лейтенанта. Тот упал на колени, обхватил голову руками и принялся кататься по полу, истошно завывая. Глаза его вылезли из орбит, а потом выплеснулись наружу вместе с комковатым слизистым содержимым.

– Мама! – крикнул лейтенант и затих.

Тишина длилась пару секунд, после чего завизжала Орлова. Краем глаза Григорий Васильевич видел, как оператор зажал ей рот и потащил прочь, но Представитель не обращал на это никакого внимания. Он сделал еще несколько жевательных движений, удовлетворенно хлюпнул и прогудел:

– Подойди...

Несомненно, он обращался к Александрову.

Режиссер обернулся. Он увидел, что на него смотрят все собравшиеся: непрерывно крестящиеся ткачихи, почему-то упавший на колени поэт-песенник, мрачный Кноблок... Где-то под потолком пессимистично похрипывали старые фабричные вентиляторы.

– Иду, – сказал Григорий Васильевич.

Навстречу ему протянулось щупальце. Всего одно, и он сумел рассмотреть маленькие ярко-розовые рты, которыми была покрыта его поверхность. Нежные, и в то же время безумно опасные.

Щупальце обвило правую руку режиссера, легло поверх швейцарских часов «Омега», и всё тот же сырой голос велел:

– Иди. Снимай.

– А название?! – с трудом выдавил Григорий Васильевич.

– Названия не нужно. Снимай, – и щупальце, молниеносно освободив руку, подтолкнуло его к съемочной площадке.

Александров отступил, едва не споткнувшись о тело старшего майора Дукельского. Снова огляделся по сторонам и крикнул:

– Все по местам! Снимаем! Люба, к станку!

И услышал, как стукнула хлопушка и застрекотала кинокамера.

Владимир Березин МОЛЕБЕН ОБ УРОЖАЕ

*В деревне бог живет
не по углам...*

Иосиф Бродский

Сурганов сошел с поезда и стал искать подводу. Подводу, а что ж еще, другого транспорта тут отродясь не водилось.

Подводы не было, и пришлось идти к начальству.

Начальник станции сидел в обшарпанной комнате под двумя темными прямоугольниками на стене. Старые портреты сняли, а что вешать при новой власти – никто не сказал. Левый, очевидно, был портрет Ленина, а правый – Сталина.

Таков был раньше иконостас. Впрочем, иконы запретили давным-давно, а теперь запрет подтвержден новой властью.

Сурганов хорошо помнил, как у них в гарнизоне снимали такие же портреты. А большую статую вождя утопили в море. Белый Сталин смотрел из глубины на швартующиеся корабли Краснознаменного Тихоокеанского флота, пока этот флот существовал.

Теперь Советская власть кончилась, страной правил Общественный совет, вот уже пятый год издавая причудливые указы.

Сурганова демобилизовали с флота на особых условиях. Он догадывался, что так Общественный совет покупает свое спокойствие – там панически боялись военного переворота.

Военный переворот дочиста бы выкосил ту часть старой элиты, что сохранила власть. А она, эта элита, помнила, как всего несколько лет назад сама чистила армию. Она помнила расстрельные списки и всех этих способных, да сноровистых, что пошли по первой категории удобрять советскую землю.

Но еще все понимали, что военный переворот – это война, и война не с внешним и понятным врагом, к примеру, с японцами, к которым приклеилось слово «милитаристы», или с немцами, к которым прилипло итальянское «фашисты».

Теперь все были заедино, и в деревнях половина кастрюль была с клеймом «Рейнметалл». Японцы бурили нефть на Сахалине, но все рабочие были русскими.

Мир стал однородным, потому что война была бессмысленной. Разве на Кавказе, где огнем и мечом горцев приводили к новой вере.

Но по-настоящему воевать можно было только с пришедшими на землю богами нового времени, просочившимися из всех щелей существами. Но воевать с ними было невозможно.

Их мало кто видел, поэтому слухи о новой сущности мира были особенно причудливы.

Пока Сурганов ехал в поезде, он наслушался всякого – и про то, что гигантская тварь сидит в Москве-реке под Кремлевской стеной, и про то, что раз в году, на Иванов день, по земле скачут на четырех конях египтяне, мстя христианам за казни египетские. Один египтянин с головой птицы, другой с головой жабы, третий – вовсе без головы, а у четвертого, хоть она и есть, но глядеть ему в лицо нельзя – сразу упадешь замертво.

И вот Сурганов ехал через всю страну, курил в окошко, а потом смотрел через дырочку в морозных узорах на пустое пространство у железной дороги. В стране вроде бы ничего не изменилось, но он понимал, что старый порядок сломался. Это было больше, чем завоевание – народу возвратили право на суеверие. Была отменена не только Советская власть, но и Церковь.

Всё вернулось не на сорок лет назад, а на тысячу. Не к царю, а к Перуну.
Всего три года понадобилось на то, чтобы к этому все привыкли.

Может, это лишь казалось бывшему капитану третьего ранга Сурганову, прижавшему лоб к вагонному стеклу.

Он посмотрел в глаза начальника станции жестко и спокойно, так, как он смотрел в перископ подводной лодки.

Сурганов смотрел в глаза начальника, а тот косился на его орден Красной Звезды, который, по сути, носить тоже не следовало бы.

– Чо надо? – хмуро сказал начальник станции.

– Нужен транспорт до Манихино.

– Нету.

И тогда Сурганов сунул ему под нос бумагу.

Начальник поежился и сам пошел распоряжаться.

Подвода привезла Сурганова прямо к крыльцу райсовета.

Сцена повторилась – только над председателем темнел на стене один прямоугольник, а не два.

– Я ветеран. – Сурганов посмотрел ему прямо в глаза. Он снова посмотрел так, как смотрел на японский авианосец в перекрестье сетки.

– Мне положено имение.

Председатель сразу сник.

Он засуетился и, не поднимая глаз, стал быстро-быстро тереть бумагу. Зрелище было отвратительное.

Председатель знал, что военным ветеранам положено имение по их выбору.

В право на имение, волей Древних, входили еще крепостные, двенадцать, если отставной воин был одинок, и двадцать четыре, если у него была семья.

Бумаги Сурганова были на двенадцать.

– У нас есть усадьба старого графа. Бывший колхоз «Коммунар». Там, правда, все разбежались, но не извольте беспокоиться. Простите, товари... добрый барин, но у вас... – Он ткнул Сурганова в китель, туда, где на черной ткани горел орден Красной Звезды.

Носить не только советские ордена, но и старые, с крестами и святыми, было запрещено.

Сурганов вынул из кармана другую бумагу и, не выпуская ее из рук, сунул под нос председателю.

– Читать здесь. Второй абзац.

Тот медленно повел глазами, шевеля губами в такт движению зрачков, и добрался, наконец, до строчки «Разрешается ношение любых знаков отличия».

Председатель склонился в поклоне.

Усадьба оказалась запущенной, но, к счастью, очень маленькой.

Барское хозяйство было во многом порушено, а колхозное не выстроено. Всё было, и дом, и флигели, и конюшня, но на всем лежала печать нищеты. А нищета – это не пустота, а наполненность пространства мерзкими нищенскими вещами.

В конюшне не было лошадей, а лишь гнилые доски. Во флигелях провалена крыша. Исправно действовал лишь громкоговоритель на столбе. Эти громкоговорители-колокольчики повесили всюду, чтобы с шести утра до полуночи говорить с народом. Но слов не хватало, и колокольчики хрипели старые песни, из которых вымарали слово «Бог» и прочие символы веры.

Новый дом Сурганова был невелик и сильно обшарпан. Но легкой жизни никто и не обещал, это он понял еще в поезде.

Он сам привел в порядок спальню графа на втором этаже. Мебели тут не было, кроме сломанного рояля и гигантской кровати под балдахин. Такую кровать не перетащишь в крестьянский дом – вот она и осталась.

Через день появилась челядь.

– Я капитан третьего ранга Сурганов, военный пенсионер. Волею божеств... – Голос его задрожал, как дрожал при каждом построении, когда он стоял перед строем краснофлотцев. Каждый из них тогда еще помнил прежнюю присягу, где всякий сын трудового народа звал ненависть и презрение трудящихся на свою голову, если он нарушит торжественную клятву. Они все нарушили присягу – а те, кто остался верен ей, превратились в прах и пепел; те, кто дрался с неведомыми существами, заполонившими мир, сейчас выпадают на землю летним дождем, их съели рыбы и расточили звери.

А оставшиеся выбрали жизнь, и теперь каждый час жизнь напоминала им о предательстве.

Их подводная лодка дралась с японцами в тридцать девятом и топила их авианосцы в сороковом, когда те вышли в море драться с древними божествами с именем своей Ама-эрасу на устах.

И вот за это ему дарована земля посреди России и двенадцать рабов.

– Волею божеств, – продолжил он привычно. – Я ваш хозяин и судия. Будем жить честно и дружно, как и прежде. При мне всё будет, как при...

Он замялся, подбирая слова:

– Как при бабушках и дедушках.

Первой к руке подошла старуха, которая не очень понимала что к чему:

– Скажи, милоч, а колхозы отменять будут?

Они-то и были – колхоз, бывший колхоз, который перевели в новую крепость. Но тут старуху толкнула в бок ее дочь и жарко зашептала ей что-то в ухо. Видимо то, что это новый барин.

Старуха упала на колени и чуть было не перекрестилась, но вовремя спохватилась.

Сурганов в тоске отвернулся.

Дни потянулись за днями, и он устроил свой быт и управление хозяйством по флотскому уставу.

Дело кое-как налаживалось. Главное теперь – не упустить урожай.

Пришла весна, то время, пока нет комаров, но солнце уже ощутимо пригревает землю. Сурганов уходил в рощи неподалеку от усадьбы и валялся там на сухой прошлогодней траве.

Как-то он сидел, прислонившись к березе, и смотрел в белое майское небо – не было ни облачка.

Вдруг что-то изменилось в этом небе.

Плыли боевые дирижабли.

Они шли строем – три в первой группе, за ними еще два раза по три.

Даже снизу были видны круглые пятна на месте закрашенных звезд.

Там, во внешнем мире, продолжалась какая-то жизнь, вернее, смерть. Видимо, снова волновался Кавказ, и Общественный совет, верный воле новых богов, следовал ермоловским путем.

На следующий день он объезжал свои небольшие владения, как вдруг почувствовал неладное, и упал с лошади за секунду до того, как воздух разорвал выстрел.

Кавалерист из Сурганова был неважный, и упал он грузно и тяжело, но всё же успел откатиться в кусты. Наган его был слабым подспорьем против неизвестного врага, и Сурганов почел за благо притвориться мертвым. Кусты зашевелились, и, озираясь, перед ним появились двое подростков с берданкой наперевес.

С расширенными глазами они подбирались к кустам, и Сурганов без труда перехватил ружье за ствол, а потом пнул хозяина сапогом в живот.

Совсем мальчики. Мальчики, которые не умели убивать, но хотели убить.

– Ну?

– Мы не скажем ничего! – прошипел старший и гордо запрокинул подбородок. Он, видно, уже представлял себе героическую смерть и пытки.

Тогда Сурганов пальнул из нагана прямо у него над головой, так что пуля выбила из березы длинную щепу.

– Не надо, не надо, – заныл мальчик, и Сурганов увидел, что это действительно мальчик, жалкий и испуганный. Сурганов с тоской глядел на него.

– Как звать?

– Ваней.

– Вот что, Ваня. Я вас отпущу, но пусть сегодня старший придет ко мне. Ночью придет, говорить будем.

– А ты, значит, гражданин нача... а ты, барин, со стражей ждать будешь?

– Вот еще, делать мне больше нечего, – и Сурганов добавил, чуть помедлив: – Милость богам.

Хорошие, чистые мальчики. Им всегда сложнее перестроиться, чем взрослым. Наверное, они читали Гайдара, все эти «школы» и «эрвээс», они хотели подвигов и счастья для тех, кто останется после них. Бедные, бедные мальчики. Кто их послал на смерть?

Ночью к нему стукнули в дверь.

Мальчики сдержали слово. Не побоялся прийти даже тот, кто послал их на смерть.

Молодой человек, что явился к нему, был Сурганову знаком. Школьный учитель, молодой парень лет двадцати. Биография читалась у него на лице – комсомолец, учительский техникум, год или два работы в школе, и тут пришли Древние. Жизнь перевернулась, и что делать – непонятно.

– Садись, чайку попей, – Сурганов подвинул ему стакан.

Учитель нервничал, и хозяин стал опасаться, что он вдруг полезет за пазуху, вон как оттопыривается его пиджачок, и, неровен час, еще пальнет не глядя, да еще и сам себя заденет.

– Вот что, Николай Гаврилович, вы свой шпалер выложите, а то он вас слишком возбуждает, как матрос институтку, – Сурганов не удержался от присловья из своей прошлой жизни. Учитель помялся, посверкал глазами, но пистолет выложил – довольно большой для него «Тульский Токарев».

– Что делать будем?

– Мы будем драться!

– С кем, со мной? Ну со мной дело нехитрое. Вас я положу как утку, но ведь потом придет Особое Совещание, и ваши ученики... Сколько их, кстати? Трое? Пятеро? И ваши ученики, согласно Уголовному Уложению, будут принесены в жертву.

Или ладно, вам удастся сделать дырку во мне, и опять придет Особое Совещание; там будет три скучных человека – бывший секретарь райкома, бывший начальник райотдела НКВД и бывший районный прокурор, все как один присягнувшие Древним, и ваших мальчиков принесут в жертву на главной и единственной площади села, прямо у репродуктора, через который вы слушаете сводки и по субботам танцуете под «Рио-Риту».

Вот и всё. На этом течение истории закончится.

Что хотите-то?

– Такие, как вы продали Родину, – мрачно ответил учитель Николай.

Сурганов почесал голову. Пистолет Токарева лежал на столе и мрачно смотрел на него черным глазом. Он, казалось, не хотел вмешиваться в разговор людей, потому что считал себя существом высшей, металлической породы.

– Да. Но что делать. Это хорошо нам было драться с японцами – верите ли, Николай Гаврилович, во время торпедной атаки на японскую авианосную группу я был совершенно счастлив, потому что за мной была великая страна, маршал Ворошилов и товарищ Сталин. А теперь перед нами, вернее, за нами, но перед вами – чертова сила. И что нам делать?

Он так и сказал «нам», заметив, как учитель от этого нервно дернул шеей.

– Программа у вас есть? Связь с другими товарищами?

– Я не скажу вам ничего.

– Мне не скажете, но я-то буду лежатьдохлый, как корабельная крыса, а вас эти скучные люди из Особого Сопещания посадят в камеру и лишат сна. И вы скажете им всё, и даже не вспомните о ваших мальчиках. Вы и потом о них не вспомните, потому что просто сойдете с ума от боли. Теперь ведь нет тюрем, у нас всё гуманно.

– Вы – предатель. А еще орденосец.

– Речь не обо мне, речь даже не о вас. Речь об этих мальчиках.

– Мы должны отдать жизнь за Родину.

– Жизнь, а не смерть. Можно взять и утопиться в реке перед барским домом с тем же успехом.

И вдруг Сурганов увидел в глазах учителя странный блеск надежды.

– А что вы предлагаете?

– Я вам ничего не предлагаю, – Сурганов печально вздохнул. – Я вам объясняю, что торопиться нужно лишь при ловле блох и иных прытких насекомых.

Он почувствовал, что надежда в учителе крепнет. Учитель стал верить в него не как в человека, а как в вестника иной силы, что может противостоять тому повороту, что случился два года назад. «Сейчас он сделает из меня бога, а это очень нехорошо», – подумал он.

– Вот что, Николай Гаврилович, сберегите мальчиков. Вы, дорогой товарищ (учитель снова дернул головой от этого обращения), сберегите мальчиков. Вы комсомолец?

– Да, я был членом КИМ.

– Так вот, я прошу вас, надо сберечь мальчиков. И давайте договоримся, что вы мне не рассказываете лишнего, и я вам ничего не болтаю.

* * *

Наутро Сурганов стал думать, к кому бы пойти за советом, и в конце концов отправился к бывшему попу. У избы священника пахло кислым. Батюшка, очевидно, гнал самогон.

Сурганов поздоровался и ступил внутрь через высокий порог.

Там он увидел запрещенные иконы.

– Не бойтесь, батюшка?

– Да что мне, добрый барин, бояться. Семь бед – один ответ. Попадья моя уж пять лет на небесах, а моя жизнь в руке Божьей. Господь всемогущий, звери в лесах, скот на полях, птицы в небесах – всякая тварь в его воле.

– Крестите?

– Не без этого.

«Это хорошо, что он не боится. Он не боится, но и не лезет на рожон, как учитель-комсомолец. С ним я споюсь, его бы я взял замполитом, – подумал Сурганов. – Ведь мы воюем,

даже подняв руки. Красноармеец воюет даже в плену, вот что. Дело-то наше безнадежное, большой земли для нас нет».

Он сел за стол со священником, и грязноватые стаканы наполнились жидкостью, чем-то похожей со стороны на березовый сок.

«Хорошо, что тут есть, по крайней мере, трое мужчин, не боящихся смерти, – думал Сурганов. – Это всё потому, что мы одинокие мужчины. Одиноким всегда проще. Надо прощупать доктора, тут есть еще доктор. Но мне сказали, что у доктора жена и две дочери. Что я скажу доктору? Что я вообще хочу?.. Если бы я знал».

Он спросил бывшего священника, который на поверку оказался не бывшим, о сельском враче, и тот нахмурился.

– Да, я знаю. Две дочери, – быстро сказал бывший капитан третьего ранга, и лицо священника просветлело.

Они понимали друг друга.

– Э, добрый барин...

– Зови меня просто Владимир Владимирович. Так раньше в книгах писали, у Чехова.

– Придет он сейчас, твой доктор. Ему дома пить неловко, а у меня можно.

Доктор пришел позже, чем они думали, усталый и с пятнами крови на правом рукаве. Причем пришел он вместе с учителем.

Доктор оказался философом. Ему явно не хватало собеседников.

– Очень важно – отсутствие майората, – после третьей сказал он. – В России наследство от папы-графа делилось между всеми сыновьями, а затем – между их сыновьями. А в Европе всё наследство – майорат – переходило к старшему сыну, а младшему доставался разве что кот и сапоги.

Доктор рассказывал, что видел фотографии прежних бар, что жили в усадьбе.

– Там видна разница – на самой обычной черно-белой фотографии. Дед – работяга, привыкший к лишениям, знающий не только, что такое управлять, но работать руками и жить впроголодь. Сын – управляющий имением, понимающий, что благосостояние семьи зависит от его деятельности, но в его глазах отсутствовал страх. То есть он знал, что по миру они ни при каком раскладе не пойдут и голодать не будут. И внук – лощеный парень, кокаиновый офицерик, привыкший получать всё, что захочет, по первому требованию и совершенно не думающий о том, как работать самому. Кстати, он и спустил таким трудом заработанные дедовы деньги, он смог бы драться с красными, как не смог бы с этими саламандрами.

Учитель заметил:

– Тут много мифологии. Мы тут как-то говорили о Горьком. Горький сказал нам всё о капиталистическом вырождении в своих пьесах Во втором, максимум в третьем поколении начинаются безобразия, и Васса уже не Железнова. Я заставляю детей читать Горького. Горький не запрещен.

– Вот за это и ниспосланы нам нечистые твари, – подытожил священник.

– Почему не предположить, что они нам ниспосланы за то, что вы барскую библиотеку сожгли. Ну, не вы, а все мы, конечно, – тут же поправился Сурганов. – И за то, что пьянство наше беспробудно, а уполномоченный Мильчин берет взятки?

– Неисповедимы пути Господни, – вздохнул священник. – Да и ты, ба... Владимир Владимирович, не свят. Вот скоро будет молебен об урожае. Знаешь, что это?

– Примерно.

– Не молитва это, а жертвоприношение, – вступил доктор. – Возьмут девчонку, да и скормят зверю.

– Помогает?

– Да когда как.

– Но только ведь всё равно скормят. А ты, барин, по своему уставу, должен присутствовать. Встанешь, поклонись, да и возблагодаришь, – заметил священник. – Да я не упрекаю: что тебе, из револьвера палить? Да и то, Мильчин тебя в расход выведет, даже в город не повезет.

– Ну, он не один, – дернулся учитель, – не один...

– Вот вас вместе и кончат.

Сурганов жалел, что не принес еды. Его собеседники оказались куда более запасливы – у доктора в бауле обнаружилась домашняя колбаса, в мешке у учителя – кулек пряников, а батюшка вытащил кусок сала величиной с полено.

Расходились за полночь.

Сурганов вышел первый, но слышал, как доктор сказал остальным: «Одно хорошо, барин нам достался не заполошный, дай Бог каждому». Кто-то ответил: «Барин он и есть барин, хоть не воняет». Кажется, это был учитель.

Слух у Сурганова был и впрямь отменный – в лодке он на спор садился на место акустика.

Они потом сходились не раз, и было видно, что одиночество среди полей толкало их друг к другу.

Как-то доктор сказал:

– Если случится что, если кто узнает о наших мыслях, то мы не доживем до кары новых богов. Нас убьют прежде все эти бывшие колхозники, которых я лечу, а вы (он ткнул в учителя) натаскиваете в чтение и счете. Они, те, кто еще помнит царя, и те, кто прошел через раскулачивание. Они помнят страх и унижения, они помнят испытания бедностью. И они уничтожат нас ради мечты о простом и понятном мире. Нужно только чудо. Барклай, зима иль русский Бог.

Сурганов слушал это и угрюмо сопротивлялся. Чувство унижения было очень острым – ведь вся его жизнь прошла при Советской власти, но не власть ему было жалко, а то, что он обязан слушаться и следовать безумию новых обрядов, в которых мало смысла.

Не прошлых чинов и званий было ему жалко, а вменяемости мира.

Его крестьяне могли верить во что угодно – в то, что неведомая тварь под Кремлевской стеной ест детей, и в то, что хорошую погоду можно купить кровью девственницы.

Он помнил, как командиры тишком смеялись над тем, как комиссар дивизиона рассказывает, будто фашисты придумывают нам политические анекдоты. Так было и здесь, мифы о новых богах – всё равно что анекдоты.

Остроумным объяснениям мира нужен автор, а вот истории о том, что Ленин болел сифилисом, автор не нужен. И тем крестьянам, что убивали врачей во время холеры, – искусственный миф не нужен. А всё, что он видел вокруг, было именно неостроумными теориями. То есть они выглядели по-разному, но суть одна – замещение. Новыми богами просто заместили прежних народных комиссаров.

Все приспособлялись. «Кроме японцев, – вспомнил он. – Японцы не приспособлялись. Они были островной империей, и у них свои счеты с глубоководными. Японцы вывели флот и решили драться. Их зажали в клещи – с одной стороны наш Тихоокеанский флот, а с другой стороны – американцы. Союзники решили их топить, чтобы выслужиться перед новым inferнальным начальством, но японцам было плевать на мотивы».

Они шли на смерть, и им не нужны были компромиссы. Им озаряла путь великая Ама-эрасу, и когда японские корабли стали превращаться в клубки света, их экипажи, видимо, были счастливы. Сурганову тогда, как и многим другим, дали орден, но никакой заслуги союзников в этой битве не было. Это были награды за послушание.

А теперь бывшему капитану третьего ранга послушание приелось.

В воскресенье назначен был молебен об урожае.

Пришли все жители, но Сурганов отметил, что священника не было.

«Храбро спрятался, – подумал он и тут же себя одернул. – У каждого свой путь».

На поле вынесли корчащийся мешок, и Сурганов догадался, что это и есть жертва.

Меж тем из города приехал уполномоченный.

Он приехал на немецком мотоцикле с коляской. Это был один из армейских мотоциклов, которые немцы поставляли всему свету, в том числе и в бывший СССР. За рулем «Цундапа» сидел рядовой милиционер, а в коляске с пулеметом – уполномоченный по сельскому хозяйству Мильчин.

«Дурацкая мода, – подумал Сурганов. – Ну, вот к чему ему пулемет?» А потом вспомнил выстрел на лесной дороге.

Еще из города привезли попа-расстригу.

Он был молод и вертляв, но умел читать нараспев.

Большого от него и не требовалось.

Крестьяне перетапывались, и Сурганов с раздражением отметил, что многих обряд не пугает. Он ощутил, что действительно жизнь не меняется – они так же выходили на молебен, так же сходились на 1 мая и 7 ноября. И это было тем проще делать, потому что майские праздники были как бы Пасхой, ноябрьские были Покровом, а Рождество превратилось в новогоднюю пьянку.

«Что я хочу изменить, – лихорадочно думал Сурганов, – кого мне жаль? Они ж меня первого повесят на суку, если прискачет египтянин на бледном коне».

В отдалении, чтобы боги ничего не перепутали, встал поп-расстрига и принялся читать призывную молитву.

В руках у него был сокращенный «Некрономикон». Тонкая книжица в ледериновом переплете – такие были на флоте на каждом корабле. Вообще-то личному составу читать их запрещалось, только корабельным посредникам, но Сурганов как-то воспользовался своей властью и целую ночь читал священную книгу. Он не мог признаться себе в том, что страшно разочаровался.

В книге была какая-то галиматья, куда менее понятная, чем «Материализм и эмпириокритицизм». Правила обращения к древним богам, собрание молитв – но ходили слухи, что это «Некрономикон» не настоящий, а его пересказ для простых людей, чтобы они не смущались умом и сами додумывали величие новой власти.

«Служитель культа», именно «служитель культа», вспомнил Сурганов. Именно так официально назывался новый пономарь. Так же, впрочем, как и при прежней власти.

На горизонте, там, где пашня сходилась с небом, появилось какое-то марево.

Из него выделилась черная точка, которая росла, росла... И вот это уже не точка, а беспорядочная смесь десятков существ, будто сцепившихся в единый ком. Они безостановочно двигались, и если самые мелкие выпадали из этого клубка, то оттуда вытягивался чей-то рот и пожирал выпавшего.

Зрелище завораживало. Даже Сурганов, видевший, как военный флот идет навстречу гигантской многолапой твари, был поражен.

Гигантское колесо на мгновение скрылось в русле сухого ручья, но тут же появилось снова.

Крестьяне стояли с непокрытыми головами. Ветер шевелил растрепанные волосы стариков, дети притихли.

Только мешок на борозде дергался – жертва явно не видела, что происходит вокруг.

И Сурганов пошел вперед.

Сначала никто не понял, что произошло. Крестьяне особенно не вдавались в тонкости нового устава, пономарь всё еще смотрел в книгу. Спихнулся только городской уполномоченный, да было уже поздно: Сурганов стоял перед существом иного мира.

Сперва он чувствовал себя глупо – пока он шел по пашне к этой блюющей смерти, ботинки вязли в земле. А упасть на последней, быть может, дороге не хотелось.

Но тут он вспомнил, как много лет назад, еще лейтенантом, пошел просить за своего матроса и двигался по набережной к командующему флотом. Точно, он шел просить за своих – без подобострастия, но признавая силу начальства.

И сейчас в своем латаном флотском кителе он приблизился к божеству.

«Без подобострастия», – еще раз вспомнил он и начал говорить.

Никакого особого способа разговора с начальством он не знал. Он не знал даже, поймут ли его, может ли это существо понимать.

Но прошлое вело его верно, и слова звучали четко: Сурганов говорил о том, что человеческая жертва нерациональна, мир логичен, а мудрость внешней силы в рациональном управлении. Он говорил, и вдруг сам поверил в свои слова, хотя в голову ему лез старый анекдот, который любил рассказывать начхим. В этом анекдоте по лесу ходил медведь со списком зверей на съедение. Звери плакали, но только один заяц пискнул, что несогласен. «Ну, – отвечал медведь, – тогда я тебя вычеркиваю».

И вот с каждым словом он всё больше понимал, что жертвоприношения, камлания и культ придуманы людьми и не имеют к желаниям и нуждам (если у них есть нужды) этих существ никакого отношения. «Мы сами придумали это всё, сообразно нашей дикости и страху, мы сами стали такими и придумали новых богов по образу и подобию своему, и вот сейчас предстоит проверить, так ли это». И вот сейчас, стоя на пашне посреди того, что было когда-то СССР, бывший капитан третьего ранга ждал ответа от булькающего и хлюпающего существа, что по-прежнему шевелилось своими составными частями.

Его оглушила тишина, как когда-то после аварийного погружения. Тогда личный состав в отсеках слушал, как дышит лодка. Теперь бывший капитан третьего ранга слушал, как дышит существо, в воле которого урожай и его, Сурганова, жизнь.

Существо перед ним вдруг выпустило щупальце и пошевелило им мешок с приготовленной жертвой. Мешок опять дернулся.

Потом щупальце перебралось к бывшему капитану и стало ощупывать Сурганова. От ног оно перебралось к кителю, тронуло орден и, наконец, легло на голову. Сурганов ожидал волны смрада и напрягся, чтобы не показать брезгливости. Но от щупальца почти не пахло, Сурганов ощутил только странный кислый дух, которым пахнет пустая бочка из-под кваса.

Щупальце сдвинулось на лоб, и Сурганов закрыл глаза. Он по-прежнему верил в простоту и логичность мира, даже если он управлялся седым стариком на облаках и его каждый год убиваемым сыном. А когда жители облаков были отменены и мир управлялся вождями, он всё равно был логичен. Он должен быть логичен, иначе какой же он тогда капитан.

Когда Сурганов открыл глаза, божество катилось прочь.

Крестьяне смотрели на бывшего капитана как на бога, и Сурганов видел, что у них вот-вот подогнутся колени.

Уполномоченный Мильчин застыл как статуя у своего мотоцикла – от страха он был белый, будто гипсовый.

Учитель разрезал мешок, и оттуда явилась мычащая девочка.

Заплаканная и некрасивая.

«Всё так, как и должно быть, – подумал Сурганов. – Теперь нужно разобраться с трактором, и урожай будет наш».

Олег Кожин МЕНЬШЕЕ ЗЛО

Я не люблю государственные праздники. Для меня это не более чем часть рутинной работы. Очередной день никчемной, безрадостной жизни. Еще я не люблю «крыс», этих изворотливых услужливых лакеев. Будь моя воля, они давным-давно добывали бы ртуть в норильских рудниках. Говорят, каких-то три десятка лет назад выражение «штабная крыса» было ругательством. Я не помню, так ли это на самом деле, хотя и сам участвовал в необъяснимых и страшных событиях как раз в то время, когда *они* только-только явились нашему миру. Память всё чаще подводит меня. Подлое время уносит крупницы моих воспоминаний – так недобросовестный жилец прихватывает столовые приборы, покидая свое временное пристанище.

Возраст. Проклятый возраст. Иногда мне кажется, что он здесь не при чем, и я просто не хочу помнить того, что случилось со мной в том далеком августе, неподалеку от Диксона, бывшего тогда еще крохотным поселком, а не одним из крупнейших портов Независимой Сибири. Я стараюсь забыть то лето, навсегда вычеркнув его из жизни. Но эта особенность человеческого разума действует крайне избирательно, стирая только малозначительные события. А удивительное знакомство с одним из самых первых «крыс», память моя, к сожалению, всё еще хранит. Эти воспоминания, такие яркие и свежие, заставляют наполняться слезами мой единственный глаз. В такие минуты я стараюсь думать, что это всего лишь дождь, точно такой же, как сорок лет назад, в излучине безымянной реки, на севере Красноярского края. Просто дождь. Даже если на небе при этом ни единой тучи.

* * *

Мое первое знакомство со жрецами Богов состоялось довольно рано. В начале сороковых *они* еще не успели плотно закрепиться в нашем мире, стать его неотъемлемой частью, из нежелательных эмигрантов превратившись в желанных гостей. *Их* адепты выглядели диковинными чудаками, неопасными сумасшедшими. Это сегодня, увидев молодого офицера, щеголяющего перед юными девушками стилизованным изображением Крысы на воротнике и фуражке, удивится разве что такой же темный деревенщина, каким я был в те годы.

Крыса. Кто, как не юркая, маленькая, вечно голодная тварь сможет прогрызться к самому центру Земли, где заточенное в каменном мешке божество медленно сходит с ума от одиночества и непроглядной темноты? Кто сообщит ему новости и вернется назад с очередным самоубийственным приказом, который тем не менее не подлежит обсуждению? Только Крыса.

Священное животное и символ Независимой Сибири.

Он и сам немного походил на крысу – майор НКВД Барух Иосифович Фишбейн, – такой же юркий, взерошенный, с беспокойными черными глазами, блестящими за стеклами круглых, плотно прилегающих к лицу окуляров. Обрамленные толстой черной кожей линзы перечеркивали прямые линии, складывающиеся в непонятный непосвященному узор, фуражку с широкими полями венчала серебряная кокарда в виде поднявшегося на задних лапах грызуна, а на боку, там, где обычные офицеры носят кобуру, висели изящные ножны, с прямым самурайским клинком. И я, деревенский мальчишка восемнадцати лет от роду, едва призванный на службу в Красную Армию и впервые выбравшийся за пределы райцентра, таранился на него во все глаза.

Странное место, в которое нас, отделение из шести красноармейцев, доставил пожилой седоусый сержант по фамилии Гудзь, находилось примерно в десяти километрах от Диксона, в удобном изгибе не имеющей названия речушки. Ровное, похожее на столешницу плато, усеивали высокие юрты, между которыми бесцельно прохаживались аборигены – узкоглазые долгане с обветренными лицами. Даже в такую невероятно жаркую, по местным меркам, погоду (стояло никак не меньше двадцати градусов) их тела укутывали одежды из оленьих шкур. Никто не занимался делами, не чинил прохудившуюся одежду, не варил еду. В беспорядке валялись нарты, вокруг которых лежали зачастую даже не распряженные олени. В центре, неподалеку от огромного плоского камня, покрытого ярко-красным мхом, как попало стояли набитые шкурами мешки. Мрачные туземцы недовольно поглядывали на нас. Лишь маленькие сопливые дети всю сновали по стойбищу, играя с лохматыми дружелюбными лайками.

Посреди этой убогости и нищеты мы и встретились впервые с Барухом Фишбейном. Он вышел к нам навстречу, прямой, как линейка, гордо вздернув красивый мужественный подбородок, сложив за спиной холеные руки. Новенький, с иголки китель, широкие галифе, черные хромовые сапоги. Все металлические детали формы, вплоть до украшенных пятиконечной звездой пуговиц, начищены до режущего глаз блеска. Идеальный офицер во плоти! Даже диковинные очки не портили, а изящно дополняли этот образ.

– Вот, Барух Иосифович, только шестеро, – широченная ладонь Гудзя махнула в сторону нашего помятого после дальней дороги отделения. – Сегодня из Красноярска прибыли. Больше не будет...

Несмотря на преимущество в росте и весе, сержант заметно нервничал. Оно и понятно, кому захочется исполнять роль «плохого гонца» перед майором НКВД?

– А что же, в самом Диксоне, как я понимаю, людей не нашлось? – Тонкие брови Фишбейна поползли вверх. – Сержант, у нас операция в завершающей стадии, а ты мне этих сопляков притаскиваешь? Или ты забыл, кого мы тут охраняем, а?

Шутливое настроение сменилось гневом со скоростью молнии. Даже не пытаясь скрыть недовольство, Фишбейн наступал на вдвое большего сержанта, заставляя того опасно пятиться.

– Распоряжение председателя, Барух Иосифович! – оправдываясь, залопотал Гудзь. – Он ведь и этих давать не хотел, да...

Страшно. Я понял, на каком слове осекся сержант – «страшно»! Похоже, все здесь – плосколицые долгане, здоровенный украинец Гудзь, глава поселковой администрации – боялись этого человека. Более того, я и сам уже начал тревожиться. Что-то пряталось за всем этим лоском. Нет-нет, да проскальзывало за стеклами майорских окуляров нечто неуловимо неприятное.

– У нас с утра военное положение объявлено, каждый солдат на счету, – опережая новый язвительный вопрос, поспешил объясниться сержант. – Пять часов назад неизвестный корабль потопил ледокол «Александр Сибиряков». Судя по радиограммам – немецкий крейсер...

Отделение, жадно ловящее каждое слово, недоверчиво зароптало. Мыслимое ли дело – немцы вторглись в наши воды?! Более того – пустили ко дну мирный ледокол! Сразу стала понятной и нервозность Гудзя, и суетливая беготня в самом поселке. Каждого из нас одолевала только одна мысль – неужели и вправду война?

– И этот неизвестный корабль идет к Диксону... – Майор не спрашивал – утверждал. – Немцы, значит... что же, вполне ожидаемо.

Рука его поднялась на уровень груди, ухоженные длинные пальцы сложились в причудливую фигуру. Фишбейн глубоко вдохнул, зрачки его на мгновение закатились. Казалось, он прислушивается к чему-то важному.

– *Помполит приказал покинуть судно. Горим. Прощайте*, – чужим, каким-то неживым голосом прошептал майор.

Черные глаза распахнулись так резко, что часть бойцов, и, к стыду моему, я в том числе, испуганно отшатнулись. На мгновение, на один лишь краткий миг мне показалось, что за круглыми окулярами плавают, клубятся и переливаются всеми оттенками мрака первородный бесформенный хаос. Но нет. Юркие крысиные глазки товарища Фишбейна блеснули, и он произнес:

– Началось...

* * *

Сообщение о том, что к Диксону приближается немецкий крейсер, странным образом воодушевило майора. «Поступив в распоряжение», наше отделение так и не получило четких указаний, что же делать дальше. Фишбейн как будто забыл про нас, всецело отдавшись каким-то странным приготовлениям. Из походного шатра, в котором скрылся майор, доносились таинственные звуки, природа которых не поддавалась объяснению: гулкий рокот, звонкое стеклянное позвякивание, шуршащий скрежет, а иногда даже заунывные песнопения. Не прошло и десяти минут (всё это время отделение недоуменно переминалось на месте), как Барух Иосифович выбрался обратно, перекинув через плечо вместительный кожаный ранец с жестким каркасом.

– Гудзь, Смага! Выдвигаемся в поселок, немедленно.

Услышав свою фамилию, я вздрогнул. Такое внимание со стороны офицера совершенно не радовало, однако солдату должно не раздумывать, а подчиняться приказу, и я послушно поплелся следом. Быстро шагая через лагерь, Фишбейн на ходу раздавал приказы бойцам:

– Петренко! Связь держим, как я учил. По пустякам не тревожить, вызывать только в крайних случаях. Загорский! Новички на вас. Дайте отдохнуть, объясните задачи и пристройте к делу. Григорьев! Усилить караулы возле объектов, – Барух Иосифович мотнул головой, в сторону мешков со шкурами, которые, при ближайшем рассмотрении, оказались неподвижно сидящими людьми.

Человек десять, в мохнатых, бесформенных одеждах, увешанных сотнями разнообразных побрякушек и оберегов, украшенных лисьими и собольими хвостами. Мужчин – а среди сидящих определенно не было ни единой женщины, – кроме пола объединял лишь возраст. Все они были глубокими стариками. Разных национальностей, разных типажей. Разные узоры украшали их одежды. Но при этом присутствовала в них некая внутренняя схожесть, неясная, налитанная скрытой силой тревожность. Рассмотреть диковинных старцев подробнее мне не удалось. Так и получилось, что, отмаршировав десять километров от Диксона до странного стойбища, я мчался обратно, едва поспевая за командиром, оказавшимся весьма легким на ногу. Бегал Барух Иосифович, словно спортсмен-легкоатлет. Кожаный ранец, плотно прилегающий к прямой, как палка, спине, постоянно маячил шагах в двадцати впереди. Я изо всех сил старался догнать неутомимого майора, но лишь сильнее сбивал дыхание. Рядом, пыхтя, как помирающий без воды кит, тяжело топал сапожищами Гудзь. Покрасневшее от бега лицо сержанта в остальном оставалось невозмутимым. Он знал Фишбейна дольше моего и наверняка уже привык к подобным выходкам.

Долго выдерживать подобный темп не смог ни я, ни сержант. Спустя пару километров мы, не сговариваясь, перешли на шаг. Сразу, точно спиной почувствовав, что мы отстаем, сбавил скорость энкавэдэшник. Он бросил через плечо неодобрительный взгляд, однако понукать не стал. Но и дожидаться не стал тоже, пошел впереди, словно полководец маленькой армии. Я тут же засыпал сержанта вопросами, благо тот оказался настроен добродушно.

– Товарищ сержант, а зачем стариков там держат? – Я мотнул головой в сторону оставленного стойбища. – Нешто нас сюда из-за них пригнали?

– Этих-то? – Гудзь задумчиво почесал кончик сизого носа. – Так колдуны же, вот и стерегут. За ними чуть недоглядел – потом в два ковша не расхлебаешь.

Чего угодно ожидал я, только не такой глупости. Стало немного обидно, что сержант разговаривает со мной, как с ребенком.

– Шутите, товарищ сержант?

– И рад бы, братец. Рад бы... – Тяжелый вздох у сержанта получился очень даже натуральным. – Да только какие уж тут шутки. В июле их сюда пригнали, аккуратно двадцать пятого дня. Как раз в субботник угодили. Этих десять человек, да пятнадцать бойцов охраны, да майор наш. А при ем, значит, бумага с самого верха, чтобы всяческую поддержку оказывали и прихоти выполняли. С тех пор и носимся с этой шайкой, как дурни с писаной торбой.

– И что ж, много народу с тех пор заколдовали? – Я решил поддержать шутку сержанта.

Тот, однако, юмора не оценил, угрюмо зыркнув на меня из-под седых бровей.

– Зря не веришь, паря. Оно, конечно, понятно – я сам попервой не очень-то верил. Бойцы, те, что с Фишбейном приехали, говорили, что колдунов этих со всего Союзу собирали – якутов, бурятов, карелов. Даже здесь, на месте уже, пару ненцев прихватили и одного долганина. Баяли, мол, даже самурая какого-то везли, да тот, паскуда косоглазая, себе шею скрутил по дороге. И, скажу я тебе... как ты звать-то?

– Макар, – отрекомендовался я. – Макар Смага.

– Так вот, скажу я тебе, Макар, большое благо, что Фишбейн их из поселка увел. Трех дней не прошло, как там, в излучине кочевье стало, туда они всем скопом и перебрались. А до тех пор в Диксоне такая чертовщина творилась, что не только в колдунов, в Господа бога уверуешь!

– Я атеист, – на всякий случай сказал я.

– Атеист, не атеист, а поваландаешься с этим жидом с мое, тоже во всякую чертовщину верить начнешь, – сержант смачно сплюнул, обозначив свое отношение к майору. – И еще тебе скажу, не к добру он на тебя глаз положил.

– Это почему не к добру?

– Да потому что он сам колдун, еще пострашнее тех, кого сторожит!

Не зная, как реагировать на упорство попутчика, я промолчал. Шутка, и в самом начале не казавшаяся смешной, начинала приедаться.

– Не веришь, значит? – сдвинув брови, Гудзь пытливо оглядел мое лицо. – Хорошо... А слышал, что он себе под нос бормотал, когда я ему про крейсер выдал?

– Что-то про помполита и пожар?

– Ага, оно самое. Так вот это, брат Макар, последняя радиограмма, которую мы приняли с тонущего «Александра Сибирякова». Слово в слово.

Что сказать на это, я решительно не представлял, ведь совершенно точно – майор узнал о потопленном ледоколе одновременно с нами. Видимо, недоумение на моем лице отразилось так явно, что Гудзь, выплюнув изжеванный ус, невесело хохотнул.

– Так-то, паря! Необычный он человек, Фишбейн наш. А временами так вообще задумаешься – а человек ли? Знаешь, что он про тебя сказал? Разум, говорит, простой и чистый, прекрасно, мол, подойдет.

– Для чего подойдет? – Я глупо моргнул.

– Поди знай? Если так интересно, сам у него и спроси. А теперь давай-ка в галоп, а то наш лупоглазый уже зыркать начал.

И, оставив меня в глубочайшем смятении, сержант перешел на тяжелую трусцу.

– «Адмирал Шеер», по классификации – тяжелый крейсер. По факту – «карманный линкор». Две орудийные башни, на три ствола каждая. Три крупнокалиберных зенитных орудия. Два гидросамолета...

В кожаном ранце нашелся странной конструкции бинокль с незнакомыми мне пиктограммами, нанесенными прямо на линзы. Его товарищ Фишбейн сунул в мою руку. Сам же он следил за кораблем, слегка щурясь за стеклами своих удивительных очков. Прильнув к окулярам, я сперва отпрянул в испуге, настолько близкими и реальными показались фигуры немецких матросов. Но вскоре, с осторожностью повторив опыт, я восхищенно наблюдал, как спуют по далекому кораблю люди, точно находился на расстоянии вытянутой руки от них.

– Экипаж – чуть больше тысячи офицеров и матросов...

Характеристики линкора товарищ Фишбейн зачитывал, словно перед ним находилась подробная инструкция. И откуда только брались эти знания? Вообще, если верить Гудзю, так же безэмоционально майор мог выдать всю подноготную любого бойца нашего отделения, да и вообще любого служивого человека, с кем ему приходилось сталкиваться. И это чертовски пугало. Безобидный с виду, товарищ Фишбейн уже нагонял на меня неконтролируемую жуть. Первые робкие ростки беспокойства, взошедшие после разговора с сержантом, существенно подросли уже в Диксоне. Прибыв на место, мы, против ожидания, отправились не к главе поселковой администрации, а прямо к береговой батарее. Там майор достал из ранца старинную стеклянную чернильницу и принялся чертить на пушках странные символы, бормоча под нос неразборчивые слова. Он, как собака, обнюхивал орудия, ощупывал каждый миллиметр, чуть ли не пробовал их на зуб, заглянул даже в 158-миллиметровые жерла обеих пушек и что-то прошептал в бездонную смертоносную черноту. Оседлав стволы верхом и удерживая равновесие одними ногами, Фишбейн обмакивал кисточку в чернила и старательно вырисовывал чарующе-сложную узорчатую вязь.

Я всегда робел в его присутствии, но считал, что это обычная робость подчиненного перед высоким начальством. Когда же майор пояснил, что в чернильнице не краска, а кровь, и что значки, которые он чертит на пушках, нужны для улучшения технических характеристик орудий, я решил, что это, скорее, естественные опасения нормального, здорового человека, находящегося рядом с сумасшедшим. И только когда я увидел, как береговая батарея один за одним кладет снаряды прямехонько во франтовато гарцующий на волнах немецкий линкор, сама же при этом оставаясь неуязвимой, я начал испытывать к странному энкавэд-эшнику уважение, круто замешанное на мистическом ужасе.

Я никогда раньше не видел тяжелый крейсер в атаке. Закованный в броню, «Адмирал Шеер» голодной акулой сновал вдоль берега, нещадно забрасывая крохотную батарею снарядами всех калибров. Серо-стальной клинок крейсерского носа мягко вспарывал волнующееся море, на две стороны раскидывая беспокойные волны. Даже незыблемый горизонт исполнял странные пляски, выкидывая такие финты, что к горлу сама собой подступала горькая рвота. Корабль оставался единственным островком стабильности в изменчивом водном мире.

«Адмирал Шеер» бил со всех стволов – привычно, уверенно, невозмутимо. Именно здесь я впервые ощутил, каков на вкус настоящий страх – горький, солоноватый, точно смесь пороха с кровью. Взметалась белесыми столбами вода, берег покрывался воронками, точно язвами, люди глохли от близких разрывов... но батарея держалась. Не просто держалась, а огрызалась так яростно, как огрызается маленький зверек, насмерть бьющийся с превосходящим его по силе врагом. Два парохода и крошечный сторожевик «Дежнев», силы которых не шли ни в какое сравнение с немцем, по-прежнему оставались на плаву, то и дело посылая в сторону «Шеера» ответные залпы. И я, сперва испуганно молившийся и проклинавший командира за то, что тот затащил меня в самое пекло, теперь с любопытством поглядывал на

Баруха Фишбейна – он бесстрашно стоял в полный рост и пристально разглядывал немецкий корабль своими чудными очками...

Не знаю, как среди пушечной канонады можно услышать негромкий треск, однако Фишбейн услышал. Впервые с начала обстрела майор спрятался за укреплениями, присев на корточки. Растягивая горловину ранца, он тащил из него какой-то громоздкий прибор – тяжелую продолговатую коробку, длиной в три ладони. На черной металлической поверхности, изрисованной уже знакомыми мне угловатыми рунами, располагались непонятного назначения кнопки и тумблеры. Майор тут же принялся активно их выкручивать, что-то нашептывая в круглую решеточку внизу коробки. Со стороны могло показаться, что он тихо ругается себе под нос, но я уже понимал, что Фишбейн не из тех людей, что расходуют силы на бессмысленные действия. Каждое оброненное им слово имело вес и скрытый смысл, я чувствовал это, даже не понимая языка, на котором говорил майор. К тому же веяло от них какой-то жутью: гортанные звуки и ритмичные пощелкивания намекали, что язык этот предназначен не для человеческого горла.

Идущий от прибора неприятный шум то усиливался, то пропадал вовсе, то становился совсем уж нестерпимым. Но каково было мое удивление, когда трескучее шипение вдруг превратилось в глухой человеческий голос, идущий словно из-под земли. На сборах в Красноярске я, конечно же, видел радиопередатчики, да и здесь, в Диксоне, несколько раз посещал рубку связистов. Но даже предположить не мог, что радиостанция может быть такой маленькой, а между тем вот она – зажата в бледной руке товарища Фишбейна. Прикладывая маленькую радиостанцию к уху, майор отрывисто кричал в нее:

– Шаман, как слышите меня?! Шаман, прием! Рыба на связи!

– Рыба, это... ман... – голос то и дело прерывали громкие хлопки и резкий стрекот на заднем фоне. – ...ас атакуют... дящие силы... тивника... Как... но?... ием!

– Шаман, вас понял! Держитесь, помощь скоро будет! Конец связи!

Майор резко выкрутил тумблер, и прибор замолчал. Переваливаясь, точно раскормленный тюлень, к нам подполз Гудзь.

– Товарищ майор, что там у них происходит? Какие превосходящие силы противника? Откуда?!

– Боюсь, что наши подопечные пытаются сорвать операцию... – На холемом майорском лице не дрогнул ни единый мускул. – Только это сейчас не главная забота, товарищ Гудзь. Десант пошел...

Тонкий палец вытянулся вперед, словно целился в какую-то невидимую нам точку в океане. Я рискнул выглянуть из укрытия и увидел довольно зловещую картину. Отделившись от стального бока линкора, оставляя за собой густой шлейф жирного дыма, к берегу ползли три черные лодки. Формой своей десантные боты напоминали утюги, такие же тяжелые, неуклюжие и неповоротливые. Толстая броня, обнявшая корпус, похоже, способна с легкостью отразить не только пулю, но даже снаряд небольшого калибра. Фонтаны воды взметались опасно близко к их проклепаным бортам, но лодки упрямо шли на батарею. С помощью удивительного бинокля я без труда рассмотрел змеящиеся по ним диковинные узоры, наподобие тех, что с легкой руки товарища Фишбейна украсили береговые пушки. Мыслимо ли, чтобы обычная, сделанная на скорую руку, мазня краской давала машинам такую неуязвимость?! Теперь я понимал, что имел в виду сержант Гудзь, когда говорил про окружающую майора чертовщину!

Но даже такая дьявольская удача не может длиться вечно. Или, быть может, символы, начертанные майором, каким-то образом пересилили расписные борта десантных ботов. И вот один из залпов с берега достиг-таки цели. Черный «утюг» враз превратился в груды стремительно идущего ко дну металла. От грозной машины осталось лишь горящее маслянистое пятно, расплзающееся по поверхности океана, но два других бота это не остановило. Точно

черные гробы, они всплыли из беспросветных глубин холодного океана и неслись к нам, своим наплевательским отношением к смерти вселяя ужас в сердца обороняющихся.

Еще один снаряд попал в цель в нескольких метрах от берега; артиллеристы чудом успели навести пушку, расстреляв ближайшую лодку практически в упор. Взрыв сорвал с бота броню, бесстыдно обнажив голый каркас, но это уже ничего не меняло. Поднимая брызги, на воду рухнул откидной трап, и на берег в жутком молчании хлынул вражеский десант. Гораздо позже я понял, что на самом деле их было не так много, как казалось. Каждый «утюг» вмещал примерно шестьдесят человек. Часть из них погибла еще при высадке, так что к нашим укреплениям сейчас рвалось около полусотни бойцов. Боясь зацепить своих, на время умолк громогласный «Шеер». Запоздало и злобно, словно спохватившись, застрекотал наш единственный «Максим». Наши солдаты всё же, как мне казалось, находились в более выгодных условиях, и я понемногу успокаивался. И зря.

Второй бот благополучно достиг мелководья и лег на брюхо, распахнув огромную квадратную пасть. Сравнение оказалось таким метким, что мне даже почудился зловонный выдох, вылетевший из его наполненного гниющим мясом нутра. Сжимая винтовки до белизны костяшек, красноармейцы брали раскрывшийся проем под прицел в надежде уничтожить как можно больше врагов в момент их наивысшей уязвимости, но...

Но вместо похожих на муравьев матросов на берег шагнуло *это*. Вышедшее из десантной шлюпки существо мой язык по сей день отказывается называть человеком. Хотя, несомненно, именно человеком оно было раньше. Сегодня, когда происходящее в Германии давно уже не является секретом, вряд ли кого удивит подобными созданиями, но тогда... О, тогда появление некроида потрясло нас безмерно!

Моего уха достиг испуганный вскрик – у кого-то из красноармейцев не выдержали нервы. Уродливое, штопанное нарочито грубыми нитками, мертвенно– бледное лицо чудовища само по себе являлось оружием массового поражения. Оно било солдат в самое уязвимое место – в душу, вселяя в нее подлую трусость. Пули зашелкали по доспехам некроида, выбивая оранжевые искры. Существо оказалось довольно высоким – гораздо выше двух метров, – попасть в него не составляло труда. Некоторые из выстрелов находили щели между пластинами брони, и маленькие кусочки свинца с чавканьем впивались в мертвую плоть. Однако страшное создание, не обращая на них никакого внимания, упрямо шло вперед. Выйдя из воды, некроид широко расставил колоннообразные ноги, выводя из-за спины нечто, похожее на небольшую пушку с шестью стволами. Еще до того, как механизм начал со свистом раскручиваться, я понял, что доспех жуткой твари – вовсе никакой не доспех. Кому придет в голову защищать то, что и так мертво? Удобный каркас, позволяющий с легкостью удерживать невероятных размеров пулемет, – вот что нес на себе двухметровый великан!

Грохочущий свинцовый ливень обрушился на наши укрепления. Пристыженно умолкли «трехлинейки». Поперхнувшись, затих и «Максим». Не дав стволам остыть, некроид выпустил еще одну длинную очередь – по рядам красноармейцев словно прошла коса самой Смерти! Скрип камней под сапогами атакующих, истеричные крики раненых... Но вот из-за спины гиганта, как тараканы разбежались матросы в черных шинелях. Вновь торопливо зашелкали «трехлинейки». Неподдалеку глухо ухнула разорвавшаяся граната. Наступающую людскую волну уже не остановить. За пригнувшимися десантниками, неотвратимый, как тяжелый танк, как горный ледник, шел зловещий некроид. Пулемет в его обезображенных руках то и дело взрывался, доставая людей даже в укрытиях. Я попытался прицелиться в уродливую голову, на которой, точно тарелки со студнем, застыли два неподвижных остекленевших глаза, но был тут же бесцеремонно втянут обратно твердой майорской рукой.

– Стоять, боец! Родине твоя героическая смерть ни к чему, – голос у Фишбейна совершенно не соответствовал тому, что творилось на берегу. Будто не гибли с криками люди, не разрывались гранаты, не шагал уверенной поступью жуткий мертвый великан...

– Товарищ майор, да как же... – запротестовал я. Всё мое существо противилось вынужденной отсидке в укрытии, когда другие умирали под пулями.

– Разговорчики в строю! – прикрикнул Фишбейн. – Гудзь! Проследите за нашим юным другом, чтобы ему не вздумалось выпасть под пули раньше времени, иначе это может плохо закончиться...

С этими словами, не дожидаясь, пока сержант возьмет меня под опеку, Барух Иосифович вновь зарылся в ранец. Вскоре оттуда появился закупоренный деревянной пробкой пузырек, внутри которого изумрудно переливалась некая вязкая субстанция. Из стекла выдавливались пятиконечные звезды, но я сомневался, что это продукция советского стекольного завода. Бутылочка выглядела не просто старой, а прямо дышала древностью! Но не это заставило меня отшатнуться в испуге. Жидкость внутри склянки волновалась как-то неправильно... точно живое существо, она тянулась к пробке многочисленными ложноножками.

– Экие вы, люди, странные, – заметив мое беспокойство, деланно удивился майор. – Пять секунд назад грудью на пули бросался, а теперь зеленой водички испугался. Пей!

Он протянул пузырек, и я от страха вжался в стену укрепления. Глотать содержимое бутылочки мне совершенно не хотелось.

– Хотел узнать, что значит «разум простой»? Тогда пей, вот и узнаешь! – видя наше с сержантом замешательство, Фишбейн расхохотался. – Простой разум то примет, что сложный отторгнет. Пей, солдат, пей, от тебя сейчас наши жизни зависят...

– Рядовой Смага, это приказ! – рявкнул майор.

Я послушно опустошил склянку. Возможно, мне показалось, но странная субстанция оказалась у меня во рту задолго до того, как я поднес узкое горлышко к губам. Едва обжигающая жидкость достигла желудка, сердце мое сделало головокружительное сальто. Подобно птице, заточенной в клетке из ребер, оно забилося, пытаясь вырваться наружу, и, не получив такой возможности попросту разорвалось на части. И я... умер.

Тело отказывалось слушаться. Не только руки и ноги, – невозможно даже пошевелить пальцем. Аромат сырой земли забивал ноздри, мешал дышать. Похоже, я по-настоящему мертв. Мертв и похоронен сумасшедшим майором, отравившим меня. Из всех сил я рванулся вверх, вырываясь из могилы.

Первое, что меня поразило, – это невероятная тишина. Ни выстрелов, ни разрывов гранат, ни свиста разлетающихся осколков. Даже раненые не стонали, моля облегчить их страдания морфием или пулей. Неужели никого не осталось в живых? Или близко разорвавшийся снаряд контузил меня, погрузив в благословенное неведение? Может, прямо сейчас надо мной, сжимая штык-нож перепачканными кровью пальцами, склоняется немецкий солдат, желающий убедиться, что я мертв?

Я с трудом разлепил неподъемные веки и сразу же пожалел об этом. Глаза, распахнутые чудовищным усилием воли, открыли страшную картину. О сколько бы я отдал тогда, чтобы вновь оказаться в пахнувшей землей темноте! Потрясенный глядел я на свои руки, окровавленные настолько, что казалось, это и есть их естественный цвет. Отдельные капли всё еще срывались с дрожащих пальцев, под ногтями образовались засохшие бордовые полумесяцы. Повсюду словно разлили цистерну с красной краской. И я бы мог убедить себя, что это именно краска... да, я почти уверен, что смог бы сделать это... если бы не растерзанные тела, бывшие некогда грозным десантом «Адмирала Шеера». Вырванные глотки, расколотые черепа, выпотрошенные животы, кольца сизых кишок... У моих ног лежал гигант-пулеметчик, разорванный пополам. Среди зловонных внутренностей копошились колонии

белесых могильных червей. Меня едва не вырвало. Господь милосердный! Неужели всё это – дело моих рук?! За спиной громко шелкнул взводимый курок. За ним еще один. И еще.

– Отставить, товарищи бойцы! – раздался знакомый насмешливый голос. – Это что ж вы удумали, в собрата-красноармейца стрелять?!

Я резко обернулся. Да, они целились в меня. Все уцелевшие в этом кошмарном бою не сводили с меня стволы винтовок, подрагивающих в трясущихся руках. Сквозь рванный строй выживших ко мне протолкался Фишбейн. Даже в этой адской мясорубке он выглядел вполне пристойно. Не обращая внимания на взведенные курки, майор бесстрашно загородил меня щуплой спиной, скрыв заодно взгляды солдат, наполненные испугом и даже откровенным ужасом. Фишбейн бесцеремонно сжал мое лицо ладонями, оттягивая веки большими пальцами.

– Занятно, занятно... – бормотал он. – Рефлексы в норме. Рассудок, кажется, особых повреждений не получил... Неожиданно! Вот оно, преимущество простого, неизгаженного современной информацией разума! Вас, Макар, мне сама судьба послала! Помяните мои слова, вы еще детям своим будете об этом дне рассказывать! Да опустите вы оружие, в конце концов!

Последняя фраза относилась к насмерть перепуганным красноармейцам.

– Иванов – возьми свое звено, соберите оружие и боеприпасы убитых. Шевченко – подсчитайте потери гарнизона. Крестов, Яшинский, Гамов – общитесь-ка последний бот. Такие чудища, – майорский сапог брезгливо ткнул носком мертвую голову уродливого гиганта, – без погонщика шагу не ступят. И поторопитесь, время уходит. Через двадцать семь минут крейсер возобновит обстрел...

Мало-помалу уверенный тон Фишбейна привел остатки гарнизона в чувство. Его четкие приказы возвращали солдат в привычную колею. Я пытался вспомнить, что же произошло, но не мог. Люди разбегались в разные стороны, деловитые, собранные, на время выбросившие из головы жуткие подробности сегодняшнего боя. Я же остался стоять, боясь сглотнуть слюну, явственно ощущая в ней привкус крови. Чужой крови.

* * *

Последний пассажир десантного бота оказался немолодым, полноватым мужчиной. Грузное тело, седая голова с глубокими залысинами, одутловатое лицо. Круглые очки в металлической оправе сидят скорее на щеках, чем на переносице. Классический интеллигентшишка. Но странный черный балахон с капюшоном делал незнакомца похожим на монаха. Мужчина стойко терпел неудобства – он стоял на коленях, в замок сцепив на затылке толстые пальцы. Отпечатки подошв на рясе и треснувшие очки красноречиво намекали, что с пленным не церемонились. Бойцы отыгрывались за пережитый ужас, и кто мог винить их за это?

– Мать честная, да это же сам барон фон Зеботтендорф! – взглянув пленному в лицо, энкавэдэшник присвистнул. – Какая честь для меня, господин барон! Я ожидал кого-нибудь из Туле, но вы?.. Отец-основатель собственной персоной? Мы ведь не виделись с того памятного собрания в Париже!

Стараясь сохранить остатки гордости, Зеботтендорф поклонился. С лица энкавэдэшника не сползала ослепительная хищная улыбка.

– Зачем вы здесь, Рудольф? Я слышал, вы окончательно перебрались в Стамбул? Что заставило вас променять нежный турецкий климат на неласковое северное лето?

– Вы же сами прекрасно знаете, Фишбейн, – по-русски немецкий барон говорил довольно хорошо, хоть и с еле заметным акцентом. – Не скрываясь, активно пользуетесь *их* дарами, – барон кивком указал на чудные очки своего собеседника. – *Они* идут. Скоро весь мир станет *их* площадкой для игр, а я хотел... я всего лишь...

Пытливый взгляд барона скользил по непроницаемой маске майорского лица, силясь хотя бы заглянуть за краешек, но тщетно. Зеботтендорф протяжно вздохнул, бесповоротно признав поражение.

– Германия уже не та, юноша... Большая часть граждан еще делает вид, что ничего не происходит, но чем дольше они поддерживают добровольное неведение, тем страшнее станет вынужденное прозрение. Туле не место в современной Германии, господин Фишбейн... Мне не место в современной Германии. Я бы с радостью подался в Турцию, но, боюсь, скоро там станет еще хуже, чем в моем многострадальном фатерлянде. Время сейчас такое... переломное. Все Знающие ищут новый приют, пытаются как-то устроиться в наступающем новом мире. Знаете, как много людей собирались воспользоваться вашим планом! Я, можно сказать, избавил вас от кучи проблем...

– Занятно, – в голосе майора впервые проскользнули нотки любопытства. – Я слишком открыто готовился?

– Когда по всей советской России начинают хватать хранителей Традиции, это наводит на определенные мысли даже таких старых маразматиков, как Эжен Жакоб...

– Не может быть! Старина Эли Стар тоже в деле?! – На этот раз улыбка майора получилась почти что натуральной.

– Был в деле, – многозначительно поправил барон. – Мои люди сняли его с поезда в пригороде Парижа. Старый дурень ехал собирать остатки своей логи. Я предпочел не рисковать и избавился от него до того, как он превратился в угрозу, вроде Кроули...

– И Кроули?! Да уж, я тут в Сибири отстал от жизни... – Майор задумчиво почесал подбородок. – И что же Алистер? Также решил добратся до меня на поезде?

– Зря юродствуете, Фишбейн. Алистер Кроули еще сохранил влияние на некоторых лордов, не последних людей при дворе ее величества. Если бы не мои усилия, сейчас этот крохотный поселок утюжили бы бомбами два цеппелина. Чудовищная трагедия, сорвавшая арктическую экспедицию королевского географического общества... Какая, к дьяволу, Арктика, в начале осени? Я потерял шесть отличных агентов на той операции! Правда, Фишбейн, вы могли бы меня и поблагодарить...

– Не сумев отстоять свою родину, вы решили подмять Советский Союз, а теперь еще и требуете за это благодарностей? Ну и нахал же вы, господин барон!

– Полноте, голубчик, не делайте из меня дурака, – глаза барона дерзко блеснули из-за очков. – При чем здесь *весь* Союз? Вы прекрасно понимаете, что даже с *его* поддержкой ни вам, ни мне не отстоять такие территории. Богам наплевать на землю! Вы ведь для этого решили провести ритуал именно здесь, а не, скажем, в Подмосковье? Максимум ресурсов, минимум людей! Очень грамотный план, – разделить Сою...

Барон поперхнулся и с удивлением взирал на прямой самурайский клинок, торчащий из своего живота. Перетянутую кожаными ремнями рукоять крепко сжимал майор Фишбейн, сидящий рядом на корточках.

– Ни слова больше! Вы торопите события и смущаете умы моих солдат, барон, а этого делать никак нельзя, – сквозь зубы шипел Барух Иосифович, проворачивая лезвие в кишках побелевшего, как простыня, Зеботтендорфа. – Жаль, конечно, что мы расстаемся на такой ноте, но у меня нет выбора. Вы влезли на чужую территорию, Рудольф, и за это поплатились головой...

Зайдя за спину Зеботтендорфу, майор принялся пилить ему шею клинком: брызжущие кровью артерии, сухожилия, мясо, кости – до тех пор, пока седая голова барона не отделилась от тела. Держа ее на отлете, майор невозмутимо оглядел притихших солдат.

– По закону военного времени, – просто подытожил он, швыряя мертвую голову ближайшему красноармейцу. – Пададь эту – не хоронить. Керосином облить и сжечь для надежности.

Поблудневший боец не удержал жуткий трофей. Точно сказочный колобок седая голова покатила по грязи и остановилась, уткнувшись в хромовые сапоги майора. С криками бойцы, бросая оружие, разбежались в разные стороны, как можно дальше от кошмарного места. Потому что остекленевшие глаза вдруг моргнули и вполне осмысленно уставились на своего убийцу. Безвольно раскрытый рот шевельнулся:

– Ты не победил, юный Барух... В игре, что навязывают нам боги, не может быть иных победителей, нежели они сами...

Даже после того, как в глаз ей вонзился майорский клинок, голова продолжала говорить. Поблуднел даже непробиваемый энкавэдэшник.

– Разум простой и незамутненный... разум простой и незамутненный... простой и незамутненный... разум простой...

От страха у меня отнялись ноги, и лишь поэтому я не побежал вслед за убегающими бойцами. Вынужденно стоял я, глядя, как Барух Фишбейн остервенело превращает останки баронской головы в кроваво-красное месиво. Меня вырвало. Рвота необычного ярко-изумрудного цвета разлилась амебой. Хотя глаза мои слезились, я мог бы поклясться, что эта странная клякса самостоятельно забралась в подставленный майором стеклянный пузырек со звездами. И, я совершенно уверен, – забравшись внутрь, она заняла гораздо больше места.

Обратный путь к стойбищу я провел в полусне-полузабытьи, трясясь на шее усталой гнедой кобылки. В гарнизоне оказалось всего две лошади, и Фишбейн велел седлать обеих. Заниматься этим пришлось мне, так как подходить к энкавэдэшнику теперь не решался даже хмурый сержант Гудзь. До последнего надеялся я, что вторую лошадь майор возьмет про запас, но, как и следовало ожидать, надеждам не суждено было сбыться. Вскоре мы возвращались туда, где началась эта необъяснимая история и где, судя по всему, она должна была окончиться. После сегодняшних событий я не думал, что еще способен ужасаться. Однако картина, открывшаяся нам в стойбище, вселяла определенный ужас своей жестокостью. Охрана лагеря – почти два десятка солдат, лежали мертвые, застреленные, вспоротые штык-ножом, задушенные и даже просто растерзанные на части. Двое выживших катались в пыли, в необъяснимом приступе звериной жестокости пытались разорвать, искалечить... убить. Ломались с отвратительным хрустом кости, зубы вгрызались в плоть, скрюченные пальцы впивались ногтями в глаза. Неподалеку от борющихся полукругом расположились шаманы. Стойбище снималось с места, спешно собирая яранги, запрягая оленей, укладывая на нарты нехитрый скарб. Ему не было дела до того, что совсем рядом обезумевшие люди убивают друг друга. Я бросился разнимать несчастных, но майор меня вновь остановил.

– Отставить, Смага! Им вы уже не поможете. Наши дикие друзья изрядно потрудились над их мозгами. Оба ваших товарища сейчас героически гибнут под натиском «превосходящих сил противника». Отличная работа, коллеги! Простая и в то же время филигранная! Мои аплодисменты!

И он скупко поаплодировал, отчего шаманы заметно занервничали. Пресытившись нечеловеческой жестокостью, я отвернулся, чтобы не видеть последнюю схватку моих товарищей по оружию. Но слух всё равно доносил до меня всё происходящее в деталях и, что гораздо хуже, спокойный голос Баруха Фишбейна – звуки смертельной борьбы не мешали ему разговаривать с обряженными в шкуры колдунами.

– Ну что, старые вы сморчки, надеялись, что меня снарядом размажет? А я вот – уберегся! Или думали, что не успею я, да? А я успел! Я всегда успеваю, ясно? Всегда! А знаете, почему? Да потому что я любого из вас на двадцать ходов вперед просчитываю!

Хрипы сражающихся бойцов наконец-то затихли. По нестройным рядам шаманов пронеслись взволнованные восклицания на разных языках. Да, их было несоизмеримо больше. Да, они как-то сумели свести с ума подготовленную, хорошо обученную охрану. И все-таки

они отчаянно боялись моего командира. Каждый из них быстро отводил глаза, едва лишь наткнулся на необычные окуляры Фишбейна. Лишь один старик с длинными белесыми косами не прятал взгляда. К нему-то и направился майор, спешившийся, точно заправский кавалерист. Мне оставалось только следовать за ним. Казалось, Фишбейну совершенно плевать на опасливо-ненавидящие взгляды. Я же не мог отделаться от ощущения, что меня со всех сторон тыкают острыми иголками.

– Познакомься, Макар, сам *ан оргыл ойун* – первый большой шаман!

В голосе майора скользнуло уважение. Или мне просто показалось?

– Всю Якутию перерыли, пока его нашли! Три экспедиции загубили! Он, наверное, старше всех этих баранов вместе взятых, – майор широким жестом обвел столпившихся колдунов, – но такой же глупый. Или слишком упертый, чтобы признать, что в новом мире ему не место. Цепляется за свою жалкую жизнь, за глупые традиции и не понимает, что всё это давным-давно обесценилось...

Упиваясь своей речью, майор остановился в трех шагах от шаманов, я же подошел почти вплотную к ойуну. Его выцветшие глаза гипнотизировали меня, заставляли проваливаться в бездонные колодцы бессмертной Вечности. Всё глубже и глубже затягивали меня эти лишённые ярких красок омуты. Внезапно в глаз мой воткнулся длинный, расслоившийся от старости ноготь болезненного желтого цвета. И мне открылось небо.

Обретя небывалую легкость, разум мой воспарил над промерзшей северной землей, над крохотными людишками и могучими кораблями, над страстями и глупостями, выше самых высоких гор, прямо в услужливо распахнувшиеся небеса. Я пробивал облака и атмосферные слои, пугая птиц, я сбивал хрупкие метеорологические зонды и раздувшиеся от собственной важности цеппелины, и наконец вырвался за пределы земного притяжения, уносясь всё дальше, в самые пучины космического хаоса. Бесконечное, не имеющее формы ничто подмигивало мне мириадами звездных глаз, оплетало неосязаемыми черными тентаклями. Оно качало меня невесомыми конечностями, и ими же рвало на части, и, наигравшись, с силой запустило меня обратно. Вновь пробив атмосферу родной планеты, я без брызг и всплеска вошел в соленые океанические воды, земной эквивалент космоса, уменьшенный в бесконечное количество раз. Мимо меня невозмутимо проплывали невиданные уродливые твари, никогда не знавшие солнечного света. Даже в таком состоянии я содрогался при одном их виде! Но меня влекло дальше и дальше, в самые темные глубины и за их пределы. И достигнув беспроектного дна, я сверху проломил своды потаенных пещер, ворвавшись в адские каверны! Туда, где забытое всеми божество сходит с ума под топот, трубные гласы и адский танец своих прислужников. И радуясь незваному гостю, оно объяло меня всем своим существом, вобрало меня в себя без остатка! Оно переваривало мою душу целую вечность, а затем выплюнуло изувеченные останки обратно, и...

Внезапно всё кончилось. Шаман вынул палец и стряхнул на землю слизь, некогда бывшую моим глазом, и буднично кивнул. Только после этого в мою голову вонзилась боль. Раскаленным металлическим прутом она пробила череп от пустой глазницы до затылка, заволакивая реальность густым красным маревом. Мир уменьшился ровно наполовину. С горечью я осознал, что никогда больше не смогу видеть, как прежде. Но вместе с этим пришло ясное понимание процессов настолько глубоких, в сравнении с которым частичная потеря зрения казалась пустяком. Всё равно, как если бы я горевал по удаленному аппендиксу. Мой мозг разрывало от обилия информации, я чувствовал себя Одином, отдавшим глаз взамен вселенской мудрости, хотя еще минуту назад даже не подозревал о существовании этого мифического божества. Раздавленный тяжестью знаний, не в силах пошевелиться, я лежал на стылой земле и наблюдал за происходящим уцелевшим зрачком. Кажется, я кричал, но мои отчаянные вопли были не в силах помешать тому, что должно было случиться. Оставалось лишь смотреть. И содрогаться от ужаса.

– А ну-ка не балуй, старый! – Когда только в руке Фишбейна успела появиться знакомая «звездная» склянка? – Знаешь, что это такое? А?! Знаешь?!

В вопросе не было угрозы, однако шаманы резко попятнулись, когда Фишбейн слегка подцепил крышку ногтем большого пальца. Изумрудная субстанция внутри метнулась к узкому горлышку многочисленными тоненькими щупальцами, точно маленький спрут.

– Сегодня *оно* поело впервые за последние две тысячи лет и всё еще не насытилось! До заката этого дня вы сделаете то, ради чего я собрал вас здесь, или оно с радостью высосет ваши гнилые души!

Души! Теперь, к ужасу и отвращению своему, я знал, какой ужасной древней твари я был вместилищем, и какую страшную пищу получала она, пользуясь моим телом! Как никто другой понимал я испуг шаманов. Они не боялись смерти, но знали истинную ценность невидимой субстанции под названием душа.

Поединок взглядов длился недолго – ойун первым отвел глаза и, опираясь на посох, похромал к центру капища. Вслед за старым якутом поспешно двинулись остальные шаманы. Точно повинуясь неслышной команде, каждый из них занял свое место, а затем они вдруг склонили головы, в едином рывке потянувшись к земле... в землю... под землю. В самом сердце непроглядного мрака, где забытое божество уже целую вечность иступленно бьется о стены своей темницы. Над капищем поплыл низкий гудящий звук – это шаманы запели, не разжимая губ, одним лишь горлом. Всё стойбище потянулось к центру плато. Туда, где стоял ровный как стол валун, густо поросший бордовым лишайником.

Первой успела молодая женщина, с некрасивым плоским лицом и черными волосами, заплетенными в толстые косы. Запрокинув в небо подбородок, она обнажила невымытую шею и даже не вздрогнула, когда тонкое лезвие костяного ножа, вспоролло ей артерию. Хлынувшую на камень кровь жадно поглощал толстый ковер мха, ставший лишь самую чуточку ярче. Едва тело бездыханной куклой повалилось на древний, кошунственный алтарь, стойбище обезумело. Мужчины, женщины, старики, старухи, несмышленные чумазые дети, олени, подвывающие от нетерпения собаки и даже наши лошади – все они ринулись к сгорбленному узкоглазому старику. Живая масса превратилась в гигантское существо, размахивающее бесчисленным множеством конечностей. Она напозла на ойуна, подставляла уязвимые шеи, и сотни ее глаз, до предела распахнутых в чудовищном экстазе, отличали стеклом.

Не прекращая пения, шаманы оттаскивали трупы от жертвенного камня, не давая ему скрыться под грудой безжизненных тел. Старый якут работал не покладая рук, с монотонностью человека, который делает привычную рутинную работу. Откуда брались силы в этом тщедушном теле? Не могу сказать, сколько времени продолжалась эта кровавая резня, но, когда плато выстелил ковер из мертвецов, а возле камня остались стоять только закутанные в шкуры шаманы, солнце превратилось в пылающий, налитый кровью глаз, медленно закатывающийся под веко горизонта.

В воздухе стоял тяжелый запах дерьма и меди. Запах бойни. Земля подо мной мелко дрожала. Я чувствовал, как, впитываясь в мох, кровь проникает в ее тело. Уходит по запутанной переплетенной сети бесконечно длинных корневищ, бледных, как кожа покойника. Горячие от напитавшей их крови, они протачивали себе путь в вечной мерзлоте, ломали камни, раздвигали почву слой за слоем, уползая всё ниже и ниже, в такую темноту, какую не под силу вообразить никому из ныне живущих. Они плели путеводную нить, способную вывести бога в мир людей.

Им не хватало самой малости.

В отличие от обычных несчастных людей, шаманы действовали слаженно и организовано. По очереди подходя к ойуну, каждый из них бережно брал его за руку с ножом и сам проводил под своим подбородком смертельную красную линию. Истекающие кро-

вью шаманы не падали наземь, а опускались спокойно и степенно, точно решив вздремнуть часок-другой перед дальней дорогой.

Тогда ойун впервые устремил взгляд в мою сторону. Медленно, словно легкий костяной ножик вдруг стал неподъемным, он приложил лезвие, странным образом оставшееся белоснежно-чистым, к левому уху. И так же медленно соединил его с правым широкой изогнутой дугой. На дряблой шее раскрылась уродливая багровая улыбка. Миг, и ее вырвало красным, горячим, исходящим еле заметными струйками пара, потоком. Однако шаман не упал. Даже не покачнулся. Кривой узловатый палец, покрывшийся быстро высыхающей коркой цвета ржавчины, поманил меня, призывая встать с колен, принять свою судьбу. И я бы пошел, изнемогая от боли и тяжести навалившихся знаний, я бы пополз к нему, цепляясь за мертвую землю обломками ногтей. Безропотно двинулся навстречу собственной гибели... Но в эту секунду прямо над ухом раздалось:

– Э, нет! Ты чего удумал, старый?!

Пережитый кошмар подтолкнул меня на самую грань безумия. Я совершенно забыл о майоре. Голос его, уверенный и властный, дрожал от плохо скрываемого страха. Не меня призывал уродливый старческий палец. Его – офицера НКВД Баруха Иосифовича Фишбейна.

– Не-ет... нет-нет-нет! – Барух неуверенно улыбался, часто мотая головой из стороны в сторону. – Не смей! Даже не смей, слышишь меня? Ты хоть понимаешь, в кого ты пальцем тычешь, падаль сушеная?!

Старик слышал. Но, кажется, слова Фишбейна мало заботили его. Не помешала даже смертельная рана в горле – беззубый рот раскрылся и отчетливо произнес:

– *Эн аччыгый издээни таллын. Бар киниэхэгэ. Ухьугуннар кинини!*

Вслушиваясь в чужой говор, я внезапно осознал, что понимаю каждое слово:

– Ты выбрал меньшее зло. Так иди за ним. Разбуди его!

Похоже, майор тоже понимал плавный говор ойуна. Он закричал, отчаянно и обреченно. Но всё же пошел вперед, с трудом переставляя непослушные ноги, сопротивляясь каждому шагу. В бессвязных выкриках, перемежаемых всхлипами, я разобрал что-то о том, что он, Барух Фишбейн, самый верный и преданный слуга, что именно он должен стать правителем нового государства, что это несправедливо... Но обретенные знания говорили мне, что тот, к кому он взывал, совершенно иначе воспринимает справедливость. Оставалось лишь поражаться, как майор пропустил очевидное: разум будущего правителя будущей Независимой Сибири должен быть простым. Как, например, у недалекого сельского парня из-под Красноярска, коего угораздило оказаться не в то время, не в том месте. Только такой человек способен впустить в свое сознание рокочущего бога, не погибнув при этом.

Рыдающий майор против воли приближался к неподвижно застывшему ойуну. Глядя в его спину, сгорбившуюся в предчувствии беды, я осознал, насколько правильными и дальновидными были его расчеты. Старый мир, мой мир, умирал, ибо Древние боги понемногу захватывали его, исподволь перестраивая по своему извращенному вкусу. Призвать меньшее зло, не дожидаясь, пока страну захватит зло большее, – не самый плохой вариант. Это как выпрыгнуть из окна высотного дома, спасаясь от пожара. Всегда остается крошечная надежда, что ты выживешь.

Тем временем майор встал перед стариком-якутом, запрокинув голову, точно жертвенный олень. Из-под круглых очков текли бессильные слезы.

– Я! – закричал Фишбейн. – Это должен быть я!

И забулькал, подавившись собственной кровью. Мертвый ойун утешающе похлопал его по плечу.

– *Бар киниэхэгэ.* Ступай за ним. В конце концов, ты всего лишь маленькая крыса. И ты сохранил самое ценное – свою бессмертную душу...

Еще раз обагрился древний алтарь. Тяжелые алые капли просочились сквозь мох, завершая путеводную нить. С оглушительным хрустом громадный камень развалился пополам. Из-под земли вырвалось бесформенное клубящееся марево, тут же поглотившее ойуна и его последнюю жертву. Перед тем как окончательно раствориться в облаке хаоса, Барух стянул через голову свои странные очки. Черные глаза так и остались плавать за толстыми линзами, точно неведомые рыбки в маленьких аквариумах, а в окружающий мир прицелились пустые глазницы. Мне казалось, что майор пытается запомнить это мгновение, запечатлеть его отсутствующей сетчаткой.

Изменчивое облако побагровело, как будто впитало в себя кровь всех принесенных в жертву существ. На мгновение, страшную долю секунды, оно приняло форму настолько чудовищную, что я, забывшись, закричал, будто надеясь отодвинуть неизбежное. Багровый туман вытянулся, превратившись в узкую полосу, похожую на копье... которое резко вошло в мою голову.

Земля задрожала под ногами. От древнего камня через капище потянулась громадная трещина. С каждой секундой она ширилась, раскрываясь точно лоно, готовое породить... кого? Я не хотел знать ответ на этот вопрос. Каким-то чудом я всё еще стоял на ногах, хотя под ними, на глубине, не достижимой простому смертному, ломались тектонические плиты, меняя привычный облик нашей планеты. Края трещины расходились всё дальше и дальше друг от друга. Старый мир отдалялся от нового. Реальность разделялась на завтра и сегодня, которое стремительно превращалось во вчера. Когда сгустившаяся темнота укутала противоположный край, на мое лицо упали первые капли, быстро перешедшие в сильный ливень.

Небо плакало.

Я не люблю государственные праздники. Особенно не люблю День повиновения. Для новых поколений этот день, когда в наш мир явился одноглазый юродивый, несущий весть о боге, простершем длань над северными землями, – настоящая веха не только в истории Независимой Сибири, но и всей планеты. Для меня же в этот день мир, в котором я жил и который любил, перестал существовать.

Нам грех жаловаться, если знать, что творится в других странах. Наше молодое государство отделено от территориальных претензий остатков бывшего Советского Союза естественной границей, именуемой ныне Большим Сибирским Разломом. С восточными соседями налажены довольно сносные взаимоотношения. Оно живет и процветает, прирастая природными богатствами, трудолюбивым народом и, конечно же, милостью бога, взявшего его под опеку. Пусть даже Независимая Сибирь всего лишь жалкий обломок некогда настоящего Великой державы. Но, может быть, я смотрю на мир глазами динозавра и времена Великих держав канули в Лету? У меня есть всё, о чем только способен мечтать смертный, однако пользоваться плодами своего положения мне не дано. Запертый в собственном теле. Выгнанный на задворки собственного сознания. Способный лишь плакать, осознавая свое бессилие, и радующийся, что хотя бы этого *он* не может у меня отнять.

Я, Макар Смага – бессменный правитель Независимой Сибири. Сельский паренек, так и не ставший никогда мужем, отцом и дедом. Первое воплощение обезумевшего древнего божества, обретшего, наконец, власть и свободу.

Сергей Игнатъев МОСКВА – АТЛАНТИДА

Москва

На моем пути ночные фонари гасли один за другим, уступая рассвету. Синхронно с ними меркли их перевернутые двойники в лужах. Столицу накануне хорошенько промывло дождем.

Я свернул с Челищева на Клингера и пристроился на светофоре за хлебным фургоном.

Москва после дождя являла себя, как вышедшая из душа киноартистка – крутому детективу с постным лицом в западном фильме-нуар: сияющая, зовущая, жеманно укутавшаяся в низкие осенние тучи.

Город-монолит, ностальгическая красавица с веслом наперевес – Москва проступала из утренней мглы во влажном блеске аэростатов, мрачном величии министерских небоскребов, колоннад и статуй.

На проспектах было пустынно. Изредка попадались автофургоны, груженные молоком и хлебом, спешащие к открытию универсамов. Спешащие прочь из центра, загруженные под завязку пикапы ранних дачников. И спешащие в противоположном направлении, к центру, черно-лоснящиеся служебные авто с госномерами – вроде моей «Гидры».

Я миновал помпезное здание Дворца Советов, протыкающее статуей Ильича нависшие над столицей дождевые тучи. Ильич напоминал верзилу-баскетболиста, который хочет забросить трехочковый всему свету. У него не очень-то получилось.

Я ехал на работу. Рассветные лучи, мерцая на высоких окнах учреждений, пробуждая зелень в узких скверах, вдыхали в город жизнь. Будили его ласковыми и теплыми касаниями. Раньше такое называли «бабьим летом». Теперь и зелени в Москве стало меньше – уступила под натиском стекла, бетона и мрамора, да и само слово «баба», неуместный вульгаризм, похоронено обезличенным канцеляритом новой эпохи.

Я оставил «Гидру» на служебной стоянке, выходящей торцом на Альхазреда (бывшую Новослободскую).

Начал длинный пеший подъем по мраморной лестнице, в конце которой, обрамляя вращающиеся двери, пестрели с полсотни гербовых табличек. Но «нашей», Комитета Информации при Совете Министров СССР, – там не было. Специфика службы.

За столом у проходной коротала время с радиоприемником желтокожая мумия в похоронно-черных костюме и галстуке. На мне, к слову, был точно такой же костюм. Галстук повеселее, цветными ромбами – подарок матушки к выпуску из МГУ. Еще у меня, в отличие от мумии, не было медали за выслугу лет на лацкане.

– Доброго утрачка, Август Порфирич!

– Рановато ты сегодня, Свиридов.

– Шеф вот разбудил.

– Армейцев с «Данвич вампайрс» смотрел вчера?

– Смотрел, да-а-а.

– Судью этого расстрелять мало – штанга ему там, ты подумай, а? Зато Славка Четверик-то, крученую плюху взял какую – шик! Золотой парень, скажи?

– Да не то слово!

Зауток проходной за стеклянным барьером выглядел искусственно вшитым в помпезный холл куском холостяцкой квартиры. Кроме упомянутого радио, еще кипятильник,

холодильник, продавленное кресло, замусоленные ведомости, залитые чаем газетки, бутербродики, красочный календарь с певицей Алиной Лотаревой в модном образе жрицы Йог-Сотота (максимум косметики, минимум одежды).

Хотя всё выглядело безобидно, я знал: случись что, и стоит потрепанной мумии Порфиричу или его не менее потрепанным сменщикам разгрести эти свои кроссворды и ткнуть нужную кнопку – через полминуты тут будет половина Московского военного округа.

Вежливо кивнув старику, я миновал бесконечный холл, череду безымянных бюстов и автоматы с газированной водой и газетами. Каждый шаг по мрамору эхом отдавался от недосягаемого потолка, расписанного воинами в «богатырках», ударниками стройки в выпуклых сварочных очках и осьминогоподобными жрецами Азатота и Ньярлатотепа.

Войдя в лифт, я заученным движением набрал нужные пять цифр.

Отправился в путешествие протяженностью в тридцать пять этажей.

В дороге я размышлял о том, что при всей невероятной длине наших лестниц и коридоров верхушка КомИнфа неизменно поражает глаз своей тучностью. Просто какой-то парад толстяков. Как им это удается?

Я придумал только один вариант: когда заканчивается рабочий день, они не покидают здание. Не проходят через эти коридоры и лестницы. Они остаются. Вечерняя уборщица обходит кабинеты один за другим, сдувает их специальным насосом и убирает в шкаф. А рано поутру ее сменщица достает их из шкафа, надувает, налегая на рычаг насоса, смахивает мокрой тряпкой пыль с их благородных седин и сияющих плешей. Поправляет очки и узлы галстуков. И вот они уже сидят в своих креслах и готовы к работе – небрежным росчерком золотого пера подписывать бумаги; насупив брови, принимать телефонные звонки.

Над столом у шефа висело три портрета. Слева – председатель КомИнфа, основатель ведомства, справа – генеральный секретарь ЦК партии, по центру – черный прямоугольник в раме.

Наличие портрета Хранителя Союза, Зверя Миров и Брата Древних предусмотрено в высоких кабинетах негласным протоколом, но, по факту, фотосъемка строго запрещена, а художников-академиков не подпускают и подавно, как бы те не рвались запечатлеть для истории того, кто управляет судьбами страны. Человеческое сознание просто не в силах с этим справиться, не готово к восприятию его истинного облика.

В углу кабинета возвышался пыльный фикус. На столе у шефа лежала нетронутая стопка писчей бумаги и стоял белый телефон с золотым гербом на диске.

Шеф стоял у окна, любовался Москвой с высоты тридцати пяти этажей, поверх раскрытой канцелярской папки. Повернулся, кивнул мне:

– Садись. Кофе не предлагаю. У секретарши еще рабочий день не начался, а у меня, сам знаешь... вечно какая-то бурда получается.

– Отчего такая срочность, товарищ Кожухов?

Он хмыкнул, поправил очки. Подошел к столу, раскрыл передо мной папку:

– Ознакомься, Свиридов...

Я ознакомился. Личное дело гражданки Подольской Ульяны Тимофеевны, пропавшей без вести в августе сего года. Биографические сведения весьма скудны в силу возраста пропавшей. Моя ровесница – двадцать шесть. Не состояла. Не привлекалась. Образование высшее, ксенопсихолог. Работала в Москве, в Совинцентре (он же – «Пикмановский центр»). Фото. Сведения о родителях... Так...

– Профессор Подольский? – Я перевел взгляд с бумаг на шефа. – Дочь профессора Подольского пропала без вести?!

– Чуешь, чем пахнет?

– Почему дело оказалось у нас? Почему не у МГБ?

– А вот чем мы тут, по-твоему, занимаемся, Свиридов?

– Связью, – пошутил я.

Шеф не улыбнулся.

– Вот именно. А связи – решают... Ты, само собой, в курсе, над каким проектом работал

Подольский?

Я кивнул.

Шеф покачал головой:

– А ведь не должен... По допуску не положено.

– Ведомство-то смежное, – я изобразил смущение. – Сами же говорите, связи решают, всякое такое.

– Что ж, тебе и карты в руки.

– Разрешите вопрос?

– Почему именно ты?

– Почему именно я? Ведь не мой профиль.

– Какие три самых важных качества в нашей работе, Свиридов?

– Горячее сердце, холодная голова и чистые руки?

– Почти... Железная задница, стальные нервы и на полную катушку раскрученная параноя.

Шеф стащил с носа очки, устало потер опеченные веки. Я сразу понял – ночь он провел тут, в своем кабинете. Без всяких насосов вечерней уборщицы.

– Задница и нервы дело наживное, – продолжал он. – А вот параноик ты, Свиридов, знатный. Поэтому хочу, чтоб этим занялся именно ты.

Я кивнул, вновь обратил взгляд к документам.

Я смотрел на фото.

Совсем не изменилась.

Как в день нашей первой встречи... Загорелая, в выцветшей футболке. Короткие шорты открывали длинные, поцарапанные лесной колючкой ноги. Выгоревшие на солнце волосы светлыми прядями ниспадали на спину и плечи, короткой челкой едва касаясь узких, чуть вздернутых, как бы в веселом удивлении, бровей. Глаза невероятной глубины меняли свой цвет от небесно-голубого до туманно-серого...

– Симпатичная, – сказал я, чтоб нарушить подозрительно затянувшуюся паузу.

– Смотри только, не влюбись.

– Постараюсь, товарищ Кожухов.

– Ты лучше не старайся. Ты просто найди мне эту девчонку. Надеюсь, не надо объяснять всю серьезность и прочее? Нам тут для полного счастья, в плюс к международному скандалу, только киднеппинга и обмена заложниками не хватало...

– Вас понял. Могу приступать?

– Иди. Отчета от тебя жду к пятнице.

На обратной дороге, в лифте, думал о том, какой я все-таки хороший сотрудник.

Едва приступив к выполнению задания, уже выполнил один из ключевых приказов шефа.

Я никак не мог влюбиться в Ульяну Подольскую.

Я был влюблен в нее уже десять лет. С тех пор, как мне едва стукнуло шестнадцать.

Москва – Пижва

Шеф почти не шутил, называя меня параноиком. Многие в КомИнфе, особенно, конечно «старая гвардия», посмеивались надо мной.

Мол, вы молодежь, перестраховщики, сколько можно оглядываться на Р'льех и Атлантический Агломерат? Лучше, вон, на китайцев гляньте... Кризис 39-го, мол, давно миновал, все эти Берлинские Усомнения и франко-тибетские распри... Экспансия выродилась в Интеграцию. Мы научились жить бок о бок. А на крайний случай у нас всегда есть чем угостить соседа – такую кузькину мать покажем, что у них тапочки от самого Нью-Ирама до самого Нью-Йорка отлетят...

Меня считали параноиком. А у меня просто собачий нюх. И я ему доверял.

Поэтому, выходя из кабинета шефа, точно знал, откуда начну поиски гражданки Подольской Ульяны Тимофеевны, дочки Того-Самого профессора Подольского.

О нем, конечно, не писали в газетах, не рассказывали по ТВ. Постарались замять. Умолчать. Сокрыть.

Но в нашем и смежных ведомствах этот умник стал настоящей звездой.

Робин Гуд Холодной войны, за голову которого шериф Ноттингемский не поскупился бы отдать всё свое шерифство с окнами на Лубянскую площадь.

Самая главная неудача отечественных спецслужб с тех пор, как Ильич прибыл в Питер на спецпоезде, снаряженном немецкими генштабистами.

Ну, положим, Ильич в итоге стал основателем нашего нового государства. Польза несомненная.

Но тех, кто упустил Подольского, – не могло оправдать ничто. Недоглядели. Прошляпили.

Дорога от Москвы до Пижвы обещала занять часов шесть, даже если прицепить к крыше «Гидры» мигалку и гнать по спецполосе. А мне не полагалось ни мигалки, ни спецполосы.

Я твердо пообещал себе не ударяться в лирику и прочую рефлексию. Дело, судя по всему, серьезное. Не время расслабляться. Но чем ближе была Пижва, тем сильнее одолевали воспоминания...

Мне тогда не исполнилось еще и шестнадцати. Учился я в «языковой» спецшколе, куда устроен был по родительской протекции. Отец мой уже тогда добился изрядных номенклатурных высот. Не таких, конечно, как дед в его годы, но всё же...

Меня они оба, без сомнения, видели в теперешнем моем возрасте – блестящим дипломатом, диктующим волю нашей великой страны где-нибудь в патриархальном Археме с его академическим твидом и шелестом «нобелевских» монографий. Или в прогрессивном Иннсмуте, где запах тины из глубин мешается с ароматом уходящего к недостижимым высотам карьерного ковролина. Человеком семейным, обстоятельным и Имеющим Вес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.